

ГЛАВА 1

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: АВТОМОБИЛЬ НА КОННОЙ ТЯГЕ

Русская революция привела к власти большевиков, и они принялись осуществлять свою версию будущего, поначалу достаточно «западную». Выступая против средневековых пережитков, сохранившихся в российской жизни, они выглядели радикальными реформаторами, ориентированными на модернизацию в широком смысле слова. На деле же цели модернизации очень скоро оказались суженными до целей *экономической* модернизации, которая, в свою очередь, свелась к *индустриализации*. Именно индустриализация превратилась для советского государства в задачу номер один, задала ритм всем остальным экономическим и социальным преобразованиям. Но прежде всего она отозвалась на судьбе российской деревни.

2.1. Прусский или американский?

Страна была аграрной, крестьянской. Чтобы она стала индустриальной, из сельского хозяйства в промышленность должны были переместиться огромные массы людей и огромные материальные ресурсы. Такое перемещение началось задолго до революции и сознательно подталкивалось протекционистскими по отношению к промышленности мерами правительства. Оно следовало принципу «не доедим да вывезем», сформулированному министром финансов Вышнеградским еще в 80-е годы XIX века. Податная политика Российского государства создавала огромное давление на крестьян и заставляла их продавать не только излишки хлеба и другой сельскохозяйственной продукции, но и значительную часть того, что было необходимо для личного и производственного потребления, и притом продавать по дешевым ценам. С начала 60-х годов до конца столетия только вывоз зерна увеличился более чем в 5 раз. В целом же на долю сельскохозяйственной продукции к концу прошлого века приходилось до 80% всей стоимости российского экспорта¹. Большие доходы от сельскохозяйственного экспорта позволяли непосредственно поддерживать развитие промышленности, железнодорожного строительства и в то же время широко прибегать и ко второму источнику средств для этого развития — иностранным займам и инвестициям.

Экономическая политика правительства способствовала росту современных секторов экономики в России конца XIX – начала XX веков. Но для традиционного крестьянства она была разорительной, делала его все более зависимым от власти денег, заставляла искать «денежных», несельскохозяйственных занятий, иными словами, одноре-

¹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Том II. Капитализм. М., 1948, с. 444.

менно обеспечивала приток дешевой деревенской рабочей силы в промышленность, строительство, сферу городских услуг. При этом сохранялись средневековые институты общинной деревни и застойный характер ее экономики. Взять с нее, по бедности, можно было немного, что, конечно, сдерживало и темпы промышленного развития, а недовершенство разорявшихся крестьян все время нарастало.

Революционная и реформаторская мысль в России искала выхода из этого тупика и все больше склонялась к тому, что он лежит на путях капиталистического фермерства: они вели одновременно и к модернизации сельского хозяйства, и к выталкиванию большого числа крестьян в мир промышленных и других несельскохозяйственных занятий. Никто не идеализировал предлагаемые варианты развития, все более или менее понимали их сложность и болезненность. Выступая в Государственной думе при обсуждении Столыпинской реформы, правый депутат Марков 2-й говорил о неизбежном следствии этой реформы: часть крестьян потеряет землю и вынуждена будет уйти из деревни. Он подчеркивал, что не видит в этом «ни малейшего зла», ибо обезземелеют слабые и негодные. «И скатертью им дорога, пусть уходят, а те, кто из них сильнее, те пусть остаются. Говорят о кулаках. Что такое кулак? Это хороший деревенский хозяин, который действительно каждую копейку бережет и умеет извлекать из своего состояния больше, чем это делают растопыри, люди, которые растопыривают руки и землю теряют»².

Примерно так же видели будущее деревни и многие российские левые. Ленин писал о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве — прусском и американском, подчеркивая прогрессивность американского пути капиталистического фермерства. Раздел помещичьих земель (в отличие от Маркова 2-го, Ленин требовал такого раздела) «должен быть разделом между фермерами, а не разделом между крестьянами-«лежебоками», из которых подавляющее большинство хозяйничает по рутине, по традиции, применительно к условиям патриархальным, а не капиталистическим... Раздел, чтобы стать прогрессивным, должен основываться на новой разборке между крестьянами-земледельцами, на разборке, отделяющей фермеров от негодного хлама»³.

Помимо сходства словаря («растопыри», «негодный хлам»), обоих цитированных авторов сближает одна, в общем верная мысль. Россия входила в новую жизнь, в которой огромному числу крестьян предстояло навсегда расстаться с землей и деревней. «Но и тут нет ничего страшного, — говорил Марков 2-й. — Слабые в хозяйственном отношении крестьяне могут оказаться сильными в других отношениях, и на других поприщах из них выйдут быть может Ломоносовы... Рабочий пролетариат... необходим для промышленности, необходим и для сельского хозяйства»⁴. Старые общинные порядки отслужили свое, тормозили уход крестьян из деревни и в то же время не позволяли им превратиться в независимых сельских предпринимателей и повысить эффективность сельского хозяйства. Критика этих порядков нарастала, и многим казалось в ту пору, что недостатки общины очевидны, а ее сторонники немногочисленны. «Защитниками общины, — писал Витте, — явились благонамеренные почтенные „старьевщики“, поклонники старых форм, потому что они стары, полицейские администраторы, по-

² Прения по Указу 9 ноября в Государственной Думе. СПб., 1911, с. 16.

³ Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции 1905–1907 годов. // Полн. собр. сочинений, т. 16, с. 255–256.

⁴ Прения по Указу 9 ноября..., с. 16.

лицейские пастухи, потому что считали более удобным возиться со стадами, нежели с отдельными единицами; разрушители, поддерживающие все то, что легко привести в колебание и, наконец, благонамеренные теоретики, усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины — теории социализма⁵.

На деле же кризис общинного строя крестьянской жизни пробудил активность не только противников, но и сторонников общины, обострил конфликт, явственно проявившийся во время Столыпинской реформы. Столыпин был последовательным противником общинного устройства. «Пока крестьянин беден, — говорил он, выступая в Государственной Думе, — пока он не обладает лично земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы. (Рукоплескания в центре и справа)»⁶. Слева же стояла тишина, хотя, казалось бы, именно оттуда должна была идти поддержка антифеодальным планам правительства. Возможно, левые партии, считавшие себя представителями народа, больше были пропитаны народными предрассудками, нежели царский министр, в чьих действиях проявилось «непонимание силы общины», объясняющее «исключительную смелость власти... не побоявшейся... бросить вызов большинству крестьянства»⁷. Но, скорее всего, дело было не в «непонимании». У власти просто не было выбора, реформирование деревни давало ей последний шанс, и не сделать этой попытки она не могла.

Столыпинская реформа, начавшаяся в 1906 г., встретила двойственное отношение в обществе. «Право закрепления наделов в собственность нашло себе сразу множество сторонников. Но немало оказалось среди крестьян и противников этого права — «разбирать мирскую землю» и «обижать бедняков», — писал участник специального опроса об отношении крестьян к реформе⁸. Литература полна примеров сопротивления крестьян реформе, преследования ими тех, кто выделялся или хотел выделиться из общины. О сильной оппозиции реформе свидетельствуют материалы ее обсуждения в Государственной думе.

Конечно, и здесь не было недостатка в противниках общины. «Я, как крестьянин и член общины, — говорил один оратор, — знаю, что хорошо и что плохо. Я пахал в общине и проклинал ее, думая: где это правительство, которое бросило нас на произвол судьбы? ...Нельзя стеснять крестьян, когда вы дадите возможность крестьянину сбросить оковы этой общины, тогда вы сделаете из хлебопашца свободного гражданина... Если мы будем в общине, то опять все сведется на нет»⁹. Но у общины были и не менее красноречивые защитники, утверждавшие, что из нее «невидимыми путями истекает» все, «что есть на Руси святого, идеального, патриотического», и полагавшие, что нельзя «построить все русское государство на новом фундаменте (частной собственности) — фундаменте в высшей степени непрочном и более чем гадательном»¹⁰.

⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. Т 2. Таллинн-Москва, 1994, с. 472–473.

⁶ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906–1911. М., 1991, с. 105.

⁷ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. Новосибирск, 1997, с. 303.

⁸ Чернышев И. В. Община после 9 ноября 1906 г. (По анкете Вольного экономического общества). Ч. II. Пг., 1917, с. XII.

⁹ Прения по Указу 9 ноября..., с. 25.

¹⁰ Там же, с. 21.

Столыпинская реформа не была завершена. Возможно, она не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Но все же никак нельзя сказать, что она совсем не дала результатов. Реформа предоставила крестьянам право получить свои наделы в собственность и выйти из общины. С 1907 до начала 1916 г. в Европейской России такой возможностью воспользовались 2 миллиона общинных крестьянских дворов. Кроме того, еще 470 тысяч домохозяев закрепили за собой участки в так называемых «беспередельных» общинах¹¹. Меньше чем за десять лет всего в Европейской России укрепило землю в личную собственность около 24% всех крестьянских дворов — меньшинство, но далеко не ничтожное. Когда советские исследователи оценивали этот результат как неудачу, перед их мысленным взором стояли бешеные темпы коллективизации двадцатых–тридцатых годов. Но ведь она была принудительной! А аграрная реформа начала века — добровольной. Неготовность большинства крестьян немедленно выйти из общины — налицо. Но оказался опыт четверти крестьянских дворов успешным — и у них наверняка нашлись бы последователи. Десять лет по меркам российской истории — срок очень небольшой. Столыпин просил «20 лет покоя» — и не получил их.

Сейчас можно лишь гадать, как сказался бы намеченный Столыпинской реформой поворот на общем экономическом развитии России, в частности, на ее промышленном развитии. Политические события изменили весь ход российской истории, и аграрный, и промышленный вопросы стране пришлось решать в новых условиях.

Консервативная оппозиция Столыпину справа в определенном смысле смыкалась с леворадикальной, «революционной» оппозицией, сообщая они тормозили реформу. Смысл Столыпинской реформы заключался в том, что она была нацелена на создание нового долговременного механизма самовоспроизведения и «самонастройки» сельской жизни, однотипного к тому же со всеми механизмами, регулирующими жизнь современного общества. В этом была ее глубинная революционность. Ей же противостояла поверхностная, но зато куда более эффективная революционность одноразового отчуждения и раздела помещичьих земель, которая сама по себе ничего не решала: ведь дело было не просто в количестве имевшейся у крестьян земли. Тем не менее именно идея «черного передела» владела умами, питала революционные настроения и политическую активность, оттесняя на второй план интерес к глубинным аграрным преобразованиям.

Эта идея и была реализована сразу после Октябрьской революции, когда был принят Декрет о земле, который несколько месяцев спустя получил развитие в законе «О социализации земли». В основе того и другого лежала эсеровская программа уравнительного землепользования. Частная собственность на землю отменялась, помещичьи, церковные, удельные земли конфисковывались и передавались крестьянам. «Черный передел» осуществился — и что же? В свое время Ленин делал расчеты, и у него получалось, что в результате раздела помещичьей земли 10,5 млн. беднейших крестьянских дворов со средним наделом в 7 десятин и еще миллион середняков, имеющих по 15 десятин, превратятся в 11,5 млн. дворов, владеющих 18 десятинами каждый¹². «На самом деле этого не произошло. После Октябрьской революции раздел помещичьей земли по разным причинам: социальным, демографическим, политическим и иным — не дал та-

¹¹ Лященко П. И. Цит. соч., с. 266.

¹² Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции, с. 205.

кой прибавки. А затем в ходе резкого увеличения числа крестьянских дворов вновь возникла проблема нехватки земли»¹³.

Но это стало ясно позднее. Пока же начался дележ земли — где по числу едоков, а где по числу работников. Во многих районах дало себя знать стремление крестьян к выделению на хутора и отруба, то есть, по существу, продолжение линии Столыпинской реформы. Правда, уже тогда явственно просматривалась и противоположная установка властей — на создание «крупных советских хозяйств». Тем не менее окончательный путь развития российской деревни еще не определился. Период с 1922 по конец 20-х годов (НЭП), наступивший после нескольких очень тяжелых для крестьян лет «военного коммунизма», стал временем ее короткого послереволюционного расцвета. Автор многотомной «Истории Советской России» Э. Карр писал, что во время НЭПа «частично преднамеренно, частично случайно крестьянин превратился в избалованное дитя пролетарской диктатуры»¹⁴. Может быть, это и слишком сильное заявление, но, во всяком случае, деревня быстро стала оживать. Во второй половине 20-х годов экономические показатели сельского хозяйства быстро приближались к довоенным, а по ряду показателей и обогнали их¹⁵. Частная собственность на землю не была восстановлена, но закон признавал самые разные виды землепользования, крестьянин свободно мог выйти с землей из общины, разрешалось сдавать землю в аренду и использовать наемный труд. Судя по всему, деревня быстро созрела для поворота к фермерству, к рыночной экономике.

Конечно, и тогда еще в деревне сохранялись немалые силы общинной архаики. Но они были основательно подорваны и самими революционными событиями и успешным развитием 20-х годов, так что если бы государство решило продолжить реформаторскую линию Столыпина, оно нашло бы в послереволюционной деревне достаточно серьезную опору в продвинутых, модернизированных и к тому же наиболее активных слоях тогдашнего сельского общества. Но оно не только не пожелало опереться на эти слои, но объявило их своим главным врагом, взяв в союзники самые отсталые, традиционалистские силы деревни.

Этот выбор не был произвольным. Он был продиктован тем, что логика «фермерско-го» развития деревни, достаточно близкая большевикам предреволюционной поры, вошла в непримиримое противоречие с логикой ускоренной индустриализации, возобладовавшей после того, как в их руках оказалась государственная власть.

Роль сельского хозяйства как «источника накопления» для проведения индустриализации после революции даже увеличилась, ибо меньшую роль стало играть привлечение зарубежных капиталов. Прежних же механизмов перераспределения ресурсов от сельского хозяйства к промышленности не было. Рынок был беден, страна испытывала «товарный голод», промышленность была слишком слаба, чтобы вовлечь крестьян в интенсивную торговлю и изъять часть доходов сельского хозяйства через механизм цен и тем обеспечить перераспределение накоплений в интересах индустриализации. Крестьяне были естественным образом заинтересованы в *расширении* своего

¹³ Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991, с. 93.

¹⁴ Карр Э. История Советской России. Книга 1. Большевицкая революция 1917–1923. М., 1990, с. 630.

¹⁵ Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928–1929 год. М., 1929, с. 408–413.

хозяйственного и личного потребления, но у них не было никаких стимулов к *ограничению* того или другого.

В этих условиях в правящих кругах появилась идея (первоначально ее главным выразителем был представитель левой оппозиции Е. Преображенский) усилить экономическое давление на крестьянина за счет искусственного повышения цен на имевшиеся промышленные товары и понижения цен на сельскохозяйственную продукцию и таким образом насильно перекачать ресурсы из сельского хозяйства в промышленность. Возможно, перед мысленным взором сторонников Преображенского витал пример экономической политики Вышнеградского и Витте (Преображенский писал о проведении «такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения частного хозяйства»¹⁶). Но едва ли кто-либо собирался воспроизводить ее буквально. Ведь замыслы новой власти в отношении индустриализации были очень амбициозными: она намеревалась стремительно вывести Россию в число передовых промышленных стран и доказать тем самым превосходство нового строя перед старым, который с этой задачей не справился. «Если капитализм есть движение, — писал Преображенский, — то социализм есть еще более быстрое движение. И то, что он теряет в скорости в период первоначального накопления в смысле развертывания своей технико-экономической базы, благодаря крайней бедности капиталами, — то он вынужден возмещать усилением накопления за счет несоциалистической среды. Одним из важнейших средств такого накопления... является неэквивалентный обмен ценностей с внесоциалистической средой»¹⁷.

Считается — мне кажется, без особых оснований, — что концепции Преображенского была противопоставлена гораздо более «прокрестьянская» и рыночная концепция Бухарина. Позиция Преображенского была жесткой, но честной, в ней не было обычного для официальной линии той поры лицемерия по отношению к крестьянству, которому усиленно внушалась идея «смычки» города и деревни в общих интересах. Это Бухарин и заметил прежде всего, обвинив Преображенского в том, что его позиция «угрожает блоку рабочих и крестьян..., на котором строилась и строится вся позиция ортодоксального большевизма»¹⁸.

Его собственные предложения, казалось бы, предусматривали более медленные темпы индустриализации и делали ставку на повышение зажиточности крестьянства, предъявляющего все больший спрос на промышленные товары, и на переход к социализму через борьбу на рынке и конкуренцию. Однако не были ли они просто попыткой, может быть неосознанной, с помощью словесного фейерверка нейтрализовать неблагоприятный эффект произнесенной Преображенским суровой правды? Кто из них был большим утопистом? Американский исследователь творчества Бухарина С. Коэн замечает, что «возмущенный „безумной утопией“» Преображенского, согласно которой промышленность должна была содержаться за счет эксплуатации крестьянства, он увлекался нравственными лозунгами, в то время как необходимо было трезвое размыш-

¹⁶ Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления. // Преображенский Е. А., Бухарин Н. И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л. 1990, с. 89–90.

¹⁷ Там же, с. 89.

¹⁸ Бухарин Н. И. Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок (К вопросу об экономическом обосновании троцкизма). // Преображенский Е. А., Бухарин Н. И. Пути развития: дискуссии 20-х годов, с. 200.

ление... Нравственные доводы при всех их достоинствах не могли быть ответом Преображенскому. Более того, исходя из этического понимания, Бухарин предлагал невозможное: индустриализацию без тяжких лишений, то есть безболезненный путь к модернизации общества»¹⁹.

Теоретические споры заняли несколько лет, но жизнь требовала действий. В конце концов был выбран путь, внутренне родственный «безумной утопии» Преображенского, но лишенный ее рыночной окраски, а потому еще более «безумный» — путь экспроприации деревни неэкономическими методами. Он был довольно привычен для России, идеологически близок как наивно социалистическому крестьянскому сознанию, так и «научно» социалистическому сознанию партийной элиты того времени. К тому же он был опробован в недавние годы «военного коммунизма» и казался тогда весьма эффективным. Это был путь принудительной «коллективизации» сельского хозяйства.

Сталин назвал коллективизацию революционным переворотом, «равнозначным по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»²⁰. Если это и была революция, то во многих отношениях близкая к той, о которой размышляли в то время немецкие «консервативные революционеры». Техническое продвижение было куплено ценой консервирования социальной архаики. Деревня была ограблена и одновременно лишилась — в ходе «раскулачивания» — своей относительно модернизированной элиты. Все, что можно было выжать из деревни, было выжато, и на ее костях была осуществлена форсированная индустриализация. Если же говорить о социально-экономических отношениях, то деревня была отброшена назад на целую историческую эпоху.

В начале века главным доводом большевиков против Столыпинской реформы было то, что она толкала российскую деревню на прусский путь, сохраняя помещичьи латифундии и консервируемые ими средневековые, полукрепостнические отношения в деревне. Но то, что реализовалось стоявшими у власти большевиками в 30-е годы, было худшим вариантом латифундистского прусского пути, его общинным аналогом, идеальным способом сохранить все, что еще оставалось живого от крепостного права. Силой государственного давления, часто прямо силой оружия деревня была возвращена в до-рыночные времена, в эпоху внеэкономического принуждения, личной зависимости, полного бесправия крестьянина.

«Колхозное крестьянство» было отрезано от рынка, торговля почти полностью заменена распределением. Центральное место в системе распределения занимали «заготовки», трактовавшиеся официальной экономической наукой как форма торговли. Сталин лицемерно писал, что «колхозы не хотят отчуждать своих продуктов иначе, как в виде товаров, в обмен на которые они хотят получить нужные им товары. Других экономических связей с городом, кроме товарных, кроме обмена через куплю-продажу, в настоящее время колхозы не приемлют»²¹.

О том, что это была за купля-продажа, можно судить, например, по статье «Колхозная торговля» в БСЭ (1953). «При заготовках... колхозы и колхозники продают сельско-

¹⁹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888–1938. М., 1988, с. 252–253.

²⁰ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1950, с. 291.

²¹ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 16.

хозяйственные продукты государственным и кооперативным организациям *по ценам, устанавливаемым государством*» (подчеркнуто нами — А. В.)²². К этому надо добавить, что и объем заготовок также устанавливался государством. Иными словами, речь идет о прямом изъятии продукта у производителя на условиях, на которые он не может влиять. Как сказано почти религиозным языком в другой статье той же энциклопедии, «государственный план заготовок является законом. И. В. Сталин учит, что выполнение обязательств перед государством, плана заготовок — первая заповедь работников социалистического сельского хозяйства»²³.

Крестьянину была оставлена возможность участвовать лишь в «базарной» торговле — продавать на местных городских рынках то, что у него оставалось от нищенского распределения по трудодням или производилось в личном подсобном хозяйстве, как правило, тоже очень бедном и низкопроизводительном. Но это жалкое послабление, — в общем-то вынужденное, потому что городские «колхозные рынки», базары продолжали играть заметную роль в снабжении городского населения продовольствием, с чем государственная торговля никогда не справлялась, — не могло изменить природу установившихся экономических отношений.

Коллективизация перечеркнула достижения капиталистической эволюции российской деревни, наметившегося прорыва ее к рыночным отношениям. Важнейший сектор народного хозяйства, один из его главных столпов был возвращен в средневековое состояние. Сделавшись еще меньше, чем когда бы то ни было, хозяином своей земли и своей продукции, крестьянин лишился даже той малой возможности проявлять собственную хозяйственную инициативу, влиять на организацию производства, которая у него была в общине и которая постепенно расширялась по мере развития капитализма. Сталин — «со странным удовлетворением», как заметили позднейшие исследователи²⁴, заявил как-то, что «теперь крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя, а от руководства колхоза»²⁵. Сбылось пророчество Столыпина, предупреждавшего, что при отказе от частной собственности на землю и ее национализации «земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу, — этого никто не стал бы делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена»²⁶.

Так и произошло. Со временем деревня получила огромное количество современной техники, и может показаться, что ее жертвы были оправданы последующей технической модернизацией. Но архаичные средства явно не соответствовали модернизаторской цели. В деревне воцарился социальный застой, разрушительные последствия которого не могла нейтрализовать никакая механизация, никакие финансовые вливания. Советское сельское хозяйство неизменно демонстрировало свою крайне низкую эффективность. Неоднократные попытки его реформировать сводились к второстепенным поправкам, не затрагивавшим созданной в годы «великого перелома» непреодолимой преграды его подлинной мо-

²² БСЭ, 2-е издание, М., 1953, т. 22, с. 75.

²³ БСЭ, 2-е издание, М., 1952, т. 16, с. 298.

²⁴ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? М., 1989, с. 71.

²⁵ Сталин И. В. О работе в деревне. // Сочинения, т. 13, с. 223.

²⁶ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия... , с. 89.

дернизации, движению по «американскому», фермерскому пути, который в свое время так расхваливал Ленин. Ибо на долгие десятилетия предпочтение было отдано отечественной, колхозно-батрацкой версии столь критиковавшегося им «прусского» пути.

2.2. Консервативная революция в экономике

Однако «консервативная революция» в экономике не ограничилась одним лишь сельским хозяйством, а прусские примеры сочетания технической новизны с социальной архаикой оказались едва ли не более полезными при проведении индустриализации — главного компонента модернизаторской стратегии большевиков.

Обдумывая проект экономической системы для послереволюционной, социалистической России, Ленин писал: «...социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией»²⁷ (но, заметим, не переставшая быть государственной). По Ленину, государственно-монополистический капитализм — это высшее достижение капитализма, он «есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»²⁸. На практике «высшее достижение» Ленин обнаруживал в Германии. «Мы имеем образец государственного капитализма в Германии. Мы знаем, что она оказалась выше нас... Государственный капитализм был бы спасением для нас; если бы мы имели в России его, тогда переход к полному социализму был бы легок»²⁹.

С самых первых шагов советской власти она стала на путь прямых заимствований немецкого опыта³⁰ — якобы потому, что тогдашняя Германия являла собой эталон наиболее современного капитализма. Насколько была верна такая оценка? Промышленное развитие Германии после 1870 г. шло, конечно, очень быстро. Но все же это была отно-

²⁷ Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. // Полн. собр. сочинений, т. 34, с. 192.

²⁸ Там же, с. 193.

²⁹ Ленин В. И. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. Доклад об очередных задачах Советской власти. // Полн. собр. сочинений, т. 36, с. 255.

³⁰ Во время Первой мировой войны Ю. Ларин, тогда меньшевик, с 1917 г. — большевик, напечатал в разных изданиях несколько статей о государственном регулировании немецкого сельского хозяйства в военное время. В одной из них говорится о принудительных местных союзах производителей, которым Имперское продовольственное ведомство предписывало «как род, так и объем посева продовольственных и кормовых средств и подлежащего содержанию скота». Далее отмечалось, что «под этими принудительными союзами немецкая военная практика понимает полное лишение владельцев возможности по собственному усмотрению распоряжаться продуктами их хозяйства не только в смысле цен, но и в смысле направления сбыта и т. п.». В 1928 г., накануне коллективизации, эти статьи были собраны и изданы отдельным сборником. В специальной сноске автор отмечал, что описанный в статьях опыт «послужил прообразом той практики принудительного коллективного доставления „излишков“ по разверстке, какую затем мы осуществили в СССР в 1918/19 г. в интересах спасения пролетарского государства». (Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914–1918 гг.). М.-Л., 1928, с. 234.) Не лишены интереса и замечания из авторского предисловия к сборнику. «Когда... Владимир Ильич обдумывал вопрос о введении рабочей повинности, он не ограничился устным обменом мнений, но затребовал у меня некоторые печатаемые в этом сборнике статьи... Вообще предварительный учет немецкого опыта... имел место не раз» (Там же, с. 234).

сительно отсталая страна, сохранявшая немалые пережитки средневековых отношений. Как и в России, промышленность здесь сильно зависела от государственной поддержки, с ее помощью развивалась во многом «искусственно». Как отмечали современники, политика бисмарковского «государственного социализма» «с начала и до конца была протестом против индивидуализма, против принципа *Laissez-faire*»³¹. Эта политика проводилась вопреки довольно популярным в предбисмарковской Германии либеральным, фритредерским идеям и поддерживалась влиятельной Ассоциацией социальной политики (*Verein für Sozialpolitik*), созданной немецкими «катедер-социалистами» «с целью убедить правительство и нацию в необходимости вернуться к старой прусской политике... Она требовала поощрения и защиты государством торговли, промышленности и сельского хозяйства, поддержки государством культуры в широком смысле слова, государственного вмешательства с целью улучшения условий жизни рабочих»³². Позднее Шпенглер, писал об этих основаниях государственного социализма как о «прусской идее», о «принципе хозяйственного авторитета государства», вытекавшем из «прусского мироощущения»³³. «Прусская идея управления хозяйственной жизнью с сверхличной точки зрения невольно направила германский капитализм, со времени введения покровительственных пошлин в 1879 г., в русло социализма, в смысле государственно регулируемого экономического порядка»³⁴. Уж не эти ли старопрусские идеи воспринимались в России как последнее слово в развитии капитализма?

Впрочем, следует сказать, что подобные идеи были не только старопрусскими, но во многом и старорусскими — в духе глубоко укоренившейся петровской линии государственного покровительства развитию промышленности в сочетании со слабым интересом к такому развитию «снизу», со стороны частного предпринимательства. Развитие промышленности, торговли, банковского дела в Западной Европе поддерживалось усилиями множества предпринимателей-одиночек, их инициативой, конкурентной борьбой на рынке, возвышением или гибелью, в определенном смысле было естественным, спонтанным процессом. В России все это с давних пор находилось под опекой государства, сама идея спонтанного развития промышленности была плохо понятна. Карр, отмечая, что своим подъемом в конце XIX века русская индустрия «была обязана больше государству и банкам, чем отдельным предприимчивым промышленникам»³⁵, цитирует слова из мемуаров Витте: «Говорят, что для развития промышленности я принимал искусственные меры. Что значит эта глупая фраза? Какими же мерами, кроме искусственных, можно развить промышленность?»³⁶

³¹ Dawson W. H. Bismarck and state socialism. London, 1891, p. 28.

³² Там же, с. 38.

³³ Шпенглер О. Прусская идея и социализм. Берлин, б.д., с. 79.

³⁴ Там же, с. 83.

³⁵ Карр Э. Цит. соч., с. 414.

³⁶ Витте С. Ю. Цит. соч., с. 482. Впрочем, Витте очень хорошо понимал, что протекционизм — необходимая, но временная мера. Ссылаясь на Петра I, сторонника сильной государственной опеки промышленности, «понеже всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут», и видя смысл такой опеки в обеспечении экономической самостоятельности России, чтобы «ее товарообмен с другими странами не находился... в зависимости от чисто случайного обстоятельства, что она вступила на путь экономического развития по времени позже своих соседей», он постоянно подчеркивал, что с достижением этой цели «должен наступить конец самому протекционизму. Прямая логика его и заключается в самоупразднении» (Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912, с. 204, 207, 215).

В Германии, как и в России, существовали объективные основания для государственного покровительства развитию промышленности — пока она не окрепла. В этом смысле между двумя странами действительно было много общего — но не потому, что они были впереди всех, а потому, что обе они были в достаточной степени отсталыми. К этой отсталости и приспособлял Ленин свою теорию, опираясь на которую он намеревался строить будущую экономику России, потому и не мог пройти мимо опыта действий в сходных условиях. Он, конечно, не был ни пруссоманом, ни поклонником Бисмарка. Немецкие образцы, более «продвинутые», чем российские, были важны для него потому, что обладали статусом реальности и помогли усилить убедительность теории. Но как могли Ленин и другие большевистские теоретики не видеть, что именно немецкий опыт ставил под сомнение их наивный социалистический хилизм?

«Капитализм побеждает в рассыпном строю, в условиях свободной конкуренции с докапиталистическими формами хозяйства. Социализм побеждает в сомкнутом строю государственного хозяйства, выступающего как единое целое, амальгамированного с политической властью, в условиях систематического ограничения и почти ликвидации свободной конкуренции»³⁷. Как совместить это абсолютное противопоставление с постоянными ссылками все на тот же «опыт военно-государственного капитализма в Германии»³⁸? Как можно не видеть, что, хотя Железный Канцлер был крайне неудобной для русских марксистов фигурой, и они всегда, по возможности, избегали разговоров о бисмарковском социализме, им едва ли удалось придумать что-либо принципиально новое. Конечно, они пошли намного дальше Бисмарка — но в том же направлении.

В бисмарковской Германии многие полагали, что рост экономической роли государства — естественный спутник прогресса. Как писал катедер-социалист А. Вагнер, «государство становится все более и более важным для национальной экономики и индивида... Все более значительная и важная доля коллективных потребностей цивилизованного народа, идущего по пути прогресса, удовлетворяется государством»³⁹. Именно такая идеология была с предельной полнотой воплощена в жизнь в СССР, где государство стало единственным формальным или фактическим собственником всей производственной сферы, огромным экономическим Левиафаном.

Согласно официальной теории, это было высшим достижением исторического развития, ибо оно позволяло преодолеть главное для капитализма «противоречие между общественным характером труда и частным характером присвоения». Невинное отождествление общества с государством позволяло поклонникам советской экономической модели не замечать глубокого анахронизма найденного в СССР решения и не вспоминать немарксистских имен Бисмарка или Петра I. У этой модели одно время было немало поклонников. Но ослепление все же не было всеобщим. Наиболее проникательные наблюдатели с самого начала понимали консервативность, чтобы не сказать реакционность, огосударствления экономики. Как писал в эмиграции П. Струве, «именно по своей экономической сути большевистская революция есть самая глубокая реакция. Насильно перевернув исторические пласты, она накрыла слоем XVII столетия слои XX, XIX и даже XVIII веков... Никакие тракторы, никакая американизация, никакой атеизм не

³⁷ Преображенский Е. А. Цит. соч., с. 112.

³⁸ Там же, с. 111.

³⁹ Wagner A. Les fondements de l'économie politique. Paris, 1905–1913, t. III, p. 379.

могут скрыть того факта, что «Внешторг» — негодная и мерзкая коммунистическая подделка под торговую монополию московских царей; что принудительные заготовки зерна и «колхозы» напоминают ухудшенное издание реквизиций XVII века... Московская Русь воскресает под коммунистическими знаменами — с искаженным и измазанным лицом, без следа человеческой души и божьего духа»⁴⁰.

Сейчас едва ли можно сомневаться в том, что экономическая революция, осуществленная в СССР под лозунгами «построения социализма», была «консервативной». Но могла ли она быть иной? Для того, чтобы пласты XVII или XVIII веков накрыли все последующие исторические слои, эти пласты должны были существовать в обществе и быть достаточно мощными. Именно в их существовании, в необходимости оглядываться на них и состояла, видимо, главная проблема модернизации как немецкого, так и российского обществ, равно как и причина их постоянной взаимной переклички. Промежуточные решения, компромиссы модернизма и архаики — неустранимая черта догоняющей модернизации, они были неизбежны как в России, так и в Германии. Ускоренное движение в будущее требовало здесь заигрывания с прошлым, уступок ему. «Консервативная революция» и есть такая уступка во имя модернизации. По самой своей природе она может принести только временное решение, рано или поздно подлежащее полному пересмотру.

2.3. Мобилизационная экономика: план против рынка

Таким временным решением и стала советская экономическая модель, проницательно предсказанная Преображенским: «ограничение или даже ликвидация свободы конкуренции, всемерное использование преимуществ государственной монополии, борьба единым комплексом государственного хозяйства, комбинация экономических средств с политическими»⁴¹. Эта модель сложилась в первые послереволюционные десятилетия и была связана прежде всего с принятой тогда стратегией индустриализации. Основополагающие особенности модели — государственный монополизм и нерыночность. Все остальные ее черты были следствиями двух названных. Это относится прежде всего к плановости — главному предмету гордости конструкторов модели. Во имя «плановости», собственно говоря, и велась систематическая работа по умерщвлению рынка, выпалыванию малейших его ростков, если они где-либо пробивались, подавлению своеволия экономических субъектов.

В 1902 году при обсуждении Программы РСДРП Ленин критиковал один из пунктов предложенного Плехановым проекта Программы за требование «плановой организации общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов». «Этого мало, — писал Ленин. — Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать „за счет всего об-

⁴⁰ Strouve P. L'économie communiste et la communion économique mondiale. // La Russie économique et sociale 1930. Recueil d'études et de rapports, présentés à la conférence économique russe à Paris. Paris, 1930, p. 254–255.

⁴¹ Преображенский Е. А. Цит. соч., с. 113. Преображенский подчеркивал временный характер своей модели. «Мы ничего не можем сказать о том, — писал он там же, — в каких формах будет происходить вытеснение социализмом других экономических систем производства в тот период, когда социалистическое хозяйство будет иметь под собой новую техническую базу».

щества” (ибо это включает и планомерность и указывает на направителя планомерности)»⁴². Важна, стало быть, не планомерность сама по себе, а ее «направитель». Это очень существенное замечание, объясняющее многое из того, что произошло впоследствии.

Ни один разумный человек не станет отрицать пользы планирования как способа рациональной организации индивидуальной или коллективной деятельности. «Экономист, который по долгу своей профессии призван изучать человеческую деятельность, неразрывно связанную с планированием, не может иметь ничего против этого понятия. Но дело заключается в том, что... энтузиасты планового общества используют этот термин совсем в другом смысле... Наши адепты планирования требуют централизованного управления всей экономической деятельностью, осуществляемой по такому единому плану, где однозначно расписано, как будут „сознательно” использоваться общественные ресурсы, чтобы определенные цели достигались определенным образом»⁴³.

И в самом деле, в советском «плановом хозяйстве» главным была вовсе не планомерность, а централизованность, наличие единственного «направителя планомерности» — государства-собственника, государства-Провидения в абсолютном смысле этого слова. Теоретически это позволяло сосредоточивать в одних руках все экономические ресурсы и жестко контролировать их использование, но на практике все было по-иному. В теории созидался полностью детерминированный экономический мир, в котором торжествовал принцип рационального планирования, на деле же очень скоро утвердился беспредельный монопольный произвол, при котором роль случайности была намного большей, чем при самой разнузданной «анархии производства». Да и как могло быть иначе? Каким мог быть механизм экономического целеполагания, если «невидимая рука» рынка, переименованная в «анархию производства», отвергалась? Этот вопрос возник у самых убежденных сторонников планового хозяйства сразу после революции, но сколько-нибудь вразумительного ответа на него никогда не было дано.

Вспомним уже упоминавшийся спор Преображенского и Бухарина в 20-е годы. Предлагая свою государственно-монополистическую модель, Преображенский, видимо, понимал или, во всяком случае, интуитивно чувствовал необходимость объективных ограничений произвола монопольной экономической политики и — не очень последовательно — оставлял место и рыночным отношениям. Он говорил о «товарно-социалистической системе хозяйства», о сосуществовании двух экономических законов — рыночного закона стоимости и «закона социалистического накопления», отмечая, что советская экономика должна быть ареной «не только борьбы, но и известного равновесия, следовательно объективно известного сожительства двух различных экономических законов. Закон социалистического накопления ограничен демократией товарного хозяйства, с присущей последнему закономерностью, линией развития и методами регулирования. Товарное хозяйство ограничено, охвачено, если хотите, сжато законом социалистического накопления»⁴⁴. Видно, что Преображенский осознавал вопрос, хотя предлагавшийся им ответ едва ли можно счесть исчерпывающим.

⁴² Ленин В. И. Замечания на второй проект программы Плеханова. // Полн. собр. сочинений, т. 6, с. 232.

⁴³ Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992, с. 33–34.

⁴⁴ Преображенский Е. А. Цит. соч., с. 120.

Бухарин же не хотел видеть даже вопроса. Он очень облегченно отнесся к проблеме объективных экономических регуляторов, гарантий от произвола в экономической политике. Похоже, он вообще не чувствовал здесь проблемы. «Что же толкает наше производство вперед? Что? Где стимул, который... гарантирует это движение вперед, заменяет частнохозяйственные стимулы прибыли, идущей в пользу частного владельца предприятий? Мы утверждаем, что гарантия лежит в давлении широких масс, прежде всего рабочих, а затем и крестьянских масс... Мы сами, т. е. руководящие круги в стране, т.е. партия в первую голову, выражаем и отражаем („регулируя“, „контролируя“, „поправляя“ и т. д.) этот рост потребностей массы»⁴⁵. Трудно найти в этом разъяснении что-либо, кроме поверхностного идеологизированного оправдания произвола «руководящих кругов».

Теоретические трудности, порождаемые идеей замены рынка планом, испытывали не одни лишь российские марксисты. В. Зомбарт тоже был убежден, что «в экономической жизни будущего все большее и большее значение будут приобретать... хозяйственные системы, которые так или иначе связаны с плановым хозяйством»⁴⁶, ибо, по достижении зрелости, темпы развития капитализма замедлятся, потребности стабилизируются, техника достигнет высокого совершенства, лишится своей революционности, и капиталистическое предпринимательство станет ненужным. Иными словами, Зомбарт, даже и симпатизируя плановому хозяйству, не мог найти внутренне присущих ему движущих сил. Пройдя путь от марксиста до «консервативного революционера» и поборника национал-социализма, он, на свой лад, конечно, пришел к знакомой идее «руководящих кругов». «Знание целей, к достижению которых следует стремиться, наилучшим образом обеспечивается небольшим числом „лучших“ людей, образующих совет руководителя»⁴⁷. Что же касается самого «руководителя», обладающего решающим голосом, то он «получает директивы... только от Бога... „Всеобщая воля“, которую должен осуществлять руководитель... не имеет ничего общего с „волей всех“, ее не может подсказать вождю никакой плебисцит, он должен ее знать и может узнать только через откровение»⁴⁸. «Научная» идея централизованного планирования приобрела, таким образом, удивительную законченность.

Недооценка вопроса о внутренних движущих силах и доведенная до абсурда идея целеполагания «сверху» обусловили, по-видимому, самые слабые стороны советской экономической модели, предопределили ее тупиковый характер. Но это было осознано не сразу. Поначалу именно на путях предельно централизованного «планового» регулирования советское общество достигло немалых промышленно-технических успехов. Это и понятно. Задуманный и осуществленный большевиками индустриализационный скачок не оставил места рыночному своеволию, множественности воли производителей и потребителей, истребления предложения. Он требовал от страны огромного напряжения сил и сосредоточения их на решении ограниченного числа задач, заранее определенных «направителем планомерности». В экономических терминах это означало, что очень большая часть произведенного должна была расходоваться на расшире-

⁴⁵ Бухарин Н. И. Цит. соч., с. 197–198.

⁴⁶ Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 3, второй полумом. М.-Л., 1930, с. 514.

⁴⁷ Sombart W. Le socialisme allemand. Paris, Puisseaux, 1990, p. 235.

⁴⁸ Ibid., p. 234.

ние производства, в основном промышленного. Потребление же, а значит, и своеволие покупателей-потребителей надлежало предельно ограничивать. За «Центром» признавалось право распределения ресурсов и выбора направлений их расходования, а тем самым узаконивалось ограничение прав миллионов и миллионов потребителей, которые, пусть и со многими оговорками, принадлежат им в условиях рынка.

Вопрос об ограничении потребления в интересах инвестирования и даже о вмешательстве государства с этой целью не нов, он возникает не только в контексте «социалистической» экономики и в связи со стоявшими перед нею задачами. Известно, в частности, что эта проблема занимала Кейнса применительно к рыночной экономике западного типа, и он пришел к выводу о необходимости государственного вмешательства с целью ограничения потребления и стимулирования инвестиций и даже о том, что «достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости»⁴⁹. Если удастся несколько увеличить темпы накопления и тем приблизиться к полной занятости, говорил Кейнс, то, «по крайней мере, одна важная проблема будет решена».

Но, во-первых, «достаточно широкое» вмешательство правительства в экономику с целью «координации склонности к потреблению и побуждения инвестировать» вовсе не означало для Кейнса вытеснения децентрализованных решений централизованными, речь шла лишь о дополнительном корректирующем механизме. Кейнс был убежден, что «преимущества эффективности, вытекающие из децентрализации принятия решений и индивидуальной ответственности, возможно, даже более значительны, чем полагаги в XIX в.», а потеря возможностей личного выбора — это «величайшая из всех потерь в... тоталитарном государстве»⁵⁰. Во-вторых же, Кейнс отмечал, что даже в пределах оправданного централизованного вмешательства всегда остается вопрос: «в каких размерах и какими средствами правомерно и разумно призывать нынешнее поколение к ограничению своего потребления ради того, чтобы обеспечить с течением времени достаточные инвестиции для будущих поколений?»⁵¹.

Особенностью СССР в 20-е – 30-е годы, сделавшей возможной безграничную экспансию централизованного планирования, было то, что этот вопрос не возникал: вся жизнь была проникнута идеологией жертв во имя будущих поколений. Под действием самых разных факторов — от наивной веры до грубого насилия, не убеждением, так принуждением (при относительно слабом сопротивлении), «Центр» добился того, что потребители поступились своими правами, делегировали их «плановым органам», вследствие чего в СССР была достигнута огромная централизация экономической власти. Началась эра «плановой социалистической экономики», и если бы она рассматривалась просто как временный инструмент мобилизации на период «большого скачка», против этого трудно было бы что-либо возразить. Но, наблюдая первые успехи советской индустриализации, многие поверили, что в СССР и впрямь найден механизм, альтернативный рынку и даже более эффективный, а советское пла-

⁴⁹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. // Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993, с. 514.

⁵⁰ Там же, с. 515–516.

⁵¹ Там же, с. 513–514.

новое хозяйство находится на более высоком этапе развития, чем рыночная экономика передовых западных стран.

Серьезных оснований для такого вывода не было и тогда. Мысль о том, что экономическую жизнь общества можно вогнать в прокрустово ложе единого технологического плана, подобно тому, как это можно сделать с отдельным предприятием или фермерским хозяйством, по-видимому, была утопична с самого начала. Практика советского планирования только и делала, что демонстрировала эту утопичность, ни один из знаменитых пятилетних планов не был выполнен⁵². И все же на ранних этапах индустриализации СССР, пока отраслевая и организационная структура экономики была сравнительно слабо развита, число главных связей — относительно невелико, прямое планирование производства в натуральной форме было еще возможно. Издержки подобного метода управления экономикой до поры до времени гасились выгодами централизованного накопления ресурсов и сосредоточения их на бесспорно главных по тем временам направлениях развития — на создании базовых отраслей промышленности.

Когда же эти отрасли были созданы и экономика стала быстро развиваться на своей собственной промышленной основе, вся хозяйственная система стала настолько сложной, ее внутренние связи — настолько разветвленными, что их контроль из единого центра стал практически неосуществимым. Кризис планового хозяйства стал стремительно нарастать. Уже в 70-е – 80-е годы «корабль экономики фактически потерял управление. Он продолжал плыть дальше, влекомый волнами и ветром в никому неизвестном направлении, но плановики никак не хотели в этом признаться, продолжая игру с обсуждением и принятием планов и отчетами об их выполнении или невыполнении, стараясь во что бы то ни стало сохранить хотя бы видимость централизованного управления, которого на деле уже не было»⁵³.

Чем сложнее система, тем более развита ее внутренняя среда и тем большую роль играют вырабатываемые ею механизмы самоорганизации, оттесняя на второй план механизмы внешнего регулирования, к которым и относится централизованное планирование. Поэтому привычное утверждение, будто советской экономикой безраздельно управляли — пусть и неэффективно — центральные плановые органы и стоявшие над ними партийные и государственные структуры власти, пресловутая «командно-административная система», выглядит лишь довольно банальной констатацией очевидно, по существу же весьма неточно.

Если копнуть глубже, то открывается нечто иное. Идеология и практика всеобщего планирования и командного регулирования не могли воспрепятствовать саморазвитию рынка, они лишь придавали ему уродливый характер, порождали и усиливали теневую экономику и коррупцию. «В стране действовала не командная система, а экономика со-

⁵² Попов В., Шмелев Н. Великий плановый эксперимент. // Погружение в трясину. М., 1991, с. 115. По оценке авторами статьи фактического прироста производства в натуральном выражении (средняя из приростов для нескольких десятков главных видов продукции), первый пятилетний план (1928–1932) был выполнен на 51% (отправной вариант) или на 41% (оптимальный вариант); второй (1933–1937) — на 70%; выполнение третьего было прервано войной; четвертый (1946–1950) выполнен — на 88%, шестой (1956–1960) — на 74, седьмой (1961–1965) — на 75, восьмой (1966–1970) — на 64, девятый (1971–1975) — на 70, десятый — (1976–1980) — на 55%.

⁵³ Там же.

гласований — сложный бюрократический рынок, построенный на обмене-торговле, осуществляемой как органами власти, так и отдельными лицами. В отличие от обычного денежного рынка товаров и услуг на бюрократическом рынке происходит обмен не только и даже, пожалуй, не столько материальными ценностями..., но и властью и подчинением, правилами и исключениями из них, положением в обществе и вообще всем тем, что имеет какую-либо ценность»⁵⁴. Такой рынок контролируется монополиями, имеющими в основном неэкономическое происхождение, поэтому он, если можно так выразиться, антиэкономичен. Он враждебен всякой нормальной конкуренции, всякой экономической инициативе. Лишенное внутренних стимулов развития, оторванное от рынка производство обречено на утрату динамизма и постепенное погружение в сон. Такова внутренняя логика развития противоречивой «консервативной» мобилизационной экономической модели.

2.4. Из аграрной в индустриальную

Центральным звеном модернизаторской стратегии большевиков было ускоренное превращение страны из аграрной в индустриальную. Приступить к осуществлению своей стратегии они смогли только во второй половине 20-х годов, когда экономика страны стала выходить из кризиса, национальный доход начал увеличиваться, и появилась реальная возможность, ограничив рост непроизводственного потребления, направить прирост национального дохода на создание современной промышленности. К этому времени развеялись романтические иллюзии первых после-революционных лет и созрел жесткий «доработанный» проект действий, который и стал осуществляться с конца 20-х годов. С 1928 по 1931 г. национальный доход в неизменных ценах увеличился в полтора раза, а непроизводственное потребление — всего на 7%, тогда как реальное накопление (прирост запасов и фондов) увеличилось в 3,7 раза. Доля реального накопления в национальном доходе выросла с 14,4 до 36%, а доля непроизводственного потребления упала с 83 до 60%⁵⁵. Так был задан ритм перекачивания ресурсов от потребления к накоплению, который сохранялся долгие годы. Понятно и откуда шло это перекачивание, по крайней мере, первое время, в период «первоначального социалистического накопления». Перед революцией больше половины национального дохода страны создавалось в сельском хозяйстве, и даже к концу 20-х годов его вклад в национальный доход был близок к 50%. Естественно, что деревня и стала главным «источником накопления» для нужд индустриализации, а ее коллективизация создала постоянно действующий и весьма надежный механизм перераспределения средств из сельского хозяйства в промышленность. Позднее постоянное ограничение доли непроизводственного потребления в национальном доходе, иными словами, поддержание дешевизны рабочей силы, обеспечило регулярный источник ресурсов для экстенсивного экономического, опять-таки прежде всего промышленного, развития. Так что однажды ограбленные, пережившие коллективизацию и ушедшие в город крестьяне, их дети и внуки теперь систематически ограблялись уже в качестве промышленных рабочих, вообще работников городских отраслей труда.

⁵⁴ Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма. // Погружение в трясину. М., 1991, с. 31.

⁵⁵ Вайнштейн Альб. Народный доход России и СССР. История. Методология исчисления. Динамика. М., 1969, с. 98, 102.

Во всех рассуждениях советских поборников индустриализации с самого начала преобладали утопические технократические нотки, а в действиях главное место отводилось материально-техническим инновациям, социальные же нововведения воспринимались как нечто вторичное, автоматически вырастающее из «материально-технических основ». Широкую известность получили, например, слова Ленина о том, что коммунизм — это Советская власть (она уже была) плюс электрификация всей страны⁵⁶. Он был убежден, что если «дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами..., то средний крестьянин сказал бы: „Я за коммунию (т. е. за коммунизм)“»⁵⁷. Десятилетиями рост промышленного производства, его отдельных видов служил главным мерилom общественного прогресса, показателем экономических и политических успехов. В 1946 г., после окончания войны Сталин определял главные экономические задачи страны в тех же «натуральных» терминах: 50 млн. тонн чугуна, 60 млн. тонн стали, 500 млн. тонн угля и т. д.⁵⁸. Логика натурального планирования не была поколеблена и после смерти Сталина. Выступая с докладом по случаю сорокалетия Октябрьской революции, Хрущев снова обозначал цели страны на следующие 15 лет: 100–120 млн. тонн стали, 650–750 млн. тонн угля, 350–400 млн. тонн нефти и т. д.⁵⁹

Если оставаться в рамках подобной натурально-технической постановки задач индустриализации, то они действительно во многом были решены в чрезвычайно короткие сроки. Считается, что только с 1929 до середины 1941 г. в стране было построено 9 тысяч крупных промышленных предприятий⁶⁰. Уже в 1933 г., подводя итоги одного только первого пятилетнего плана (1929–1932), Сталин говорил: «У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь...» Далее таким же образом называются химическая, авиационная промышленность, производство сельскохозяйственных машин⁶¹. Это монотонное перечисление было необыкновенно знаменито в свое время, постоянно цитировалось, для целых поколений звучало как музыка.

Судить о подлинных успехах советской промышленности не так просто, они, конечно, преувеличивались советской статистикой, а попытки западных, а позднее и советских (российских) экспертов оценить истинный промышленный рост СССР наталкивались и наталкиваются до сих пор на ограниченность или отсутствие информации. Поэтому их оценки также не могут считаться надежными, а лишь указывают на приблизительный масштаб возможных корректировок.

Такие оценки, как правило, ниже официальных, хотя и они не отрицают значительного промышленного роста. В 30-е годы очень быстро росла индустриальная мощь Япо-

⁵⁶ Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд советов. Доклад о деятельности Совета народных комиссаров. // Полн. собр. сочинений, т. 42, с. 158.

⁵⁷ Ленин В. И. VIII съезд РКП(б). Доклад о работе в деревне. // Полн. собр. сочинений, т. 38, с. 204.

⁵⁸ Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М., 1946, с. 21.

⁵⁹ «Правда», 7 ноября 1957 г.

⁶⁰ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987, с. 33.

⁶¹ Сталин И. В. Итоги первой пятилетки. // Соч., т. 13. М., 1955, с. 178.

нии, в 1931–1940 гг. объем промышленного производства здесь увеличивался ежегодно на 8,9%⁶². Это намного меньше, чем в СССР по официальным данным (18,1% за 1928–1937 и 14,6% за 1928–1940 гг.). Но даже если воспользоваться значительно скорректированными оценками (они колеблются в пределах от 9 до 16% роста за 1928–1937 гг. и от 8 до 14% за 1928–1940 гг.⁶³), советский промышленный рост в этот период нередко оказывается более быстрым, чем японский. Правда, если взять весь период между началом Первой и Второй мировых войн, то, по темпам роста промышленности, СССР, видимо, уступал Японии, но все же значительно опережал основные западные страны (табл. 2.1).

Таблица 2.1. Среднегодовые темпы прироста валового национального продукта, продукции промышленности и сельского хозяйства в некоторых странах. 1913–1938 гг., в %

	<i>Россия</i>	<i>США</i>	<i>Великобритания</i>	<i>Германия</i>	<i>Франция</i>	<i>Италия</i>	<i>Япония</i>
Валовой национальный продукт	2,7-4,7*	2,0	1,1	1,6	0,9	1,7	4,0
То же на душу населения	1,9-3,8*	0,8	0,7	1,1	0,8	1,0	2,7
Продукция:							
Промышленности	4,0-6,8*	1,7	1,7	1,6	0,4	2,0	7,1
Сельского хозяйства	1,0	1,1	0,9	0,0	н.д.	н.д.	1,2

* По разным оценкам.

Источник: *The modernization of Japan and Russia, p. 194–195.*

Сходным образом менялись и макроэкономические показатели, отражавшие развитие всей экономики (а не только промышленности): валовой национальный продукт, национальный доход, валовой внутренний продукт⁶⁴. «Тридцатые годы» были очень неоднородными. Внутри них явственно выделяются три подпериода: 1928–1932, 1933–1937 и 1938–1941 гг.⁶⁵ Безусловно успешным был только второй из них, и к

⁶² The modernization of Japan and Russia. A Comparative Study. Ed. by Cyril E. Black. NY, 1975, p. 166.

⁶³ См., в частности, сводки оценок, приведенные в кн.: *Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*, Cambridge, 1994, p. 292; Европа и Россия. Опыт экономических преобразований. М., 1996, с. 104.

⁶⁴ Валовой внутренний продукт (gross domestic product) в западной статистике (а теперь и в российской) заменяет показатель национального дохода, которым обычно пользовалась советская статистика. Он отличается от национального дохода на величину затрат на амортизацию основных фондов и сальдо внешней торговли, которые не включаются в национальный доход.

⁶⁵ См., в частности: *Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР*. Новосибирск, 1991, с. 175.

1937 г. обозначились успехи СССР на фоне всех крупных промышленных стран. Отставание не исчезло, но стало меньшим, чем когда-либо в прошлом, по отношению же к Японии снова появилось опережение. Конец тридцатых годов был разочаровывающим (табл. 2.2), но в СССР об этом мало кто знал.

Таблица 2.2. Валовой внутренний продукт на душу населения в Российской империи и СССР по отношению к некоторым другим промышленно развитым странам. 1913–1940 гг.

Страна	1913	1928	1932	1937	1940
США	0,24	0,19	0,27	0,32	0,29
Великобритания	0,30	0,29	0,31	0,40	0,36
Франция	0,45	0,35	0,41	0,77	0,53
Германия	0,46	0,39	0,49	0,53	0,45
Италия	0,58	0,51	0,53	0,73	0,70
Япония	1,13	0,78	0,82	1,08	0,87

Источник: Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945, p. 270.

Тем не менее тридцатые годы были временем промышленного рывка, который невозможно отрицать и который создал основу для превращения СССР в мощную индустриальную державу. Никакие уточнения статистических оценок не могут опровергнуть того факта, что в считанные годы в отсталой аграрной стране были созданы важнейшие отрасли современной промышленности, она ощутила, наконец, свои индустриальные мускулы и продолжала их наращивать. По объему производства главных продуктов тяжелой промышленности она очень быстро вошла в число крупнейших индустриальных держав мира. Согласно официальной статистике, с 1928 по 1955 г. производство электроэнергии увеличилось в 34 раза, с 1928 по 1985 — в 308 раз. Рост производства стали составил соответственно 11 и 36 раз, нефти — 6 и 51 раза, минеральных удобрений — 88 и почти 1300, цемента — 12 и 71, металлорежущих станков — 59 и 109, автомобилей — 529 и 2670 раз и т. д. В середине 80-х годов СССР входил, нередко занимая первое место, в тройку крупнейших мировых производителей электроэнергии, нефти, природного газа, угля, железной руды, чугуна, стали, алюминия, золота, цинка, урана, минеральных удобрений, серной кислоты, цемента и т. д. Созданное в 30-е годы машиностроение выдержало испытание войной, советское оружие с успехом противостояло высококачественной немецкой военной технике. И десятилетия спустя на долю СССР приходилось свыше четверти мирового экспорта вооружения, что, конечно, тоже свидетельствует о немалом промышленном потенциале. Страна первой в мире вышла в космос, обладала огромной военной мощью, владела новейшими ядерными технологиями.

За пять–шесть десятилетий в корне изменились важнейшие макроэкономические пропорции (табл. 2.3). Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 75–80 до 20%, а доля занятых в промышленности и строительстве выросла с 9 до 38%. Это само по себе говорит об изменении типа экономики, так же, как и падение вклада в национальный доход сельского хозяйства с 54 до 19% и рост вклада промышленности и строительства с 29 до 56%. Нет сомнения, что промышленная революция в СССР в целом осталась позади.

Таблица 2.3. Доля населения, занятого в основных отраслях народного хозяйства, и их вклад в национальный доход Российской империи и СССР. 1913–1985 гг., в %.

<i>Отрасли народного хозяйства</i>	<i>1913</i>	<i>1928</i>	<i>1950</i>	<i>1985</i>
Доля занятого населения				
Промышленность и строительство	9	8	27	38
Сельское хозяйство	75	80	48	20
Прочие отрасли	16	12	25	42
Вклад в национальный доход				
Промышленность и строительство	29	29	64	56
Сельское хозяйство	54	45	22	19
Прочие отрасли	17	26	14	25

Источники: Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 14; Вайнштейн Альб. Народный доход России и СССР, с. 68, 96; Народное хозяйство СССР в 1989 году. М., 1990, с. 12.

Но это не значит, что модернизация советской экономики была завершена. Создать более или менее совершенный материально-технический аппарат современной индустриальной экономики — это полдела. Вторая же половина — вдохнуть в него жизнь, «встроить» механизмы саморазвития. На Западе такие механизмы складывались постепенно, вместе с самой промышленностью, тогда как в СССР индустриализация была «искусственной», основанной на заимствовании готовых технологий и некоторых организационных форм. Мобилизационная модель ранней советской экономики сделала возможным такое заимствование в очень короткие сроки, но она же привела к подавлению рыночных механизмов, порождающих стимулы к развитию. В логике ее функционирования воспроизводились, разумеется в измененном виде, средневековые принципы вертикальной иерархии, натурального хозяйства, личной зависимости и т. п. Поэтому она довольно быстро исчерпала свои возможности. В какой-то момент следовало начать переход к «нормальной» экономике децентрализованных

решений и товарно-денежных отношений. Этот момент был упущен. Более того, «мобилизационная модель» зажила собственной жизнью и стала диктовать свои условия, все менее связанные со стоявшими перед страной задачами. Советская экономика оказалась в тяжелом кризисе.

2.5. Кризис советской экономической системы

Уловить момент перехода от болезненного, лихорадочного но все-таки стремительного подъема периода форсированной индустриализации к застою и кризису не просто, возможно, такого момента и не было, а просто первое мало-помалу превращалось во второе, чтобы затем перерасти в экономическую агонию.

Структурные пороки

Мифология «планового хозяйства» всегда противопоставляла его «анархии производства». Смысл этого понятия не вполне ясен. Его естественно трактовать как неограниченную свободу производителя делать то, что он хочет, но такой свободы при рыночной экономике не существует: любой производитель обязан учитывать потребительский спрос, а это — достаточно жесткое ограничение. Если оно и может быть смягчено, то именно в экономике советского типа, где производитель и потребитель на большей части экономического поля соединяются в одном лице — а именно в лице государства. Но при этом ограничивается не анархия производства, а *анархия потребления* всех остальных, негосударственных потребителей, то есть попросту свобода их выбора. Массовый потребитель в СССР оказался отстраненным от участия в формировании макроэкономических пропорций, а это привело к подавлению обратных связей в экономической системе и в конце концов превратило ее в слепого гиганта, способного двигаться только по подсказке оказавшихся поблизости зрячих. Их роль выполняли западные экономики, с которыми приходилось все время «соревноваться», то есть сравнивать себя с ними и, по возможности, подправлять движение. Но больших успехов такой способ прокладывания курса принести не мог.

Ареной принятия экономических решений был уже упоминавшийся монополизированный «бюрократический рынок». Естественно, что это не ослабляло, а усиливало анархию производства: чем больше монополизма, тем больше произвола. Конечно, на деле решения принимались не абсолютно произвольно. Действовала своя шкала ценностей и приоритетов, соответствовавшая логике жизнедеятельности системы и сложившаяся еще в период «социалистической индустриализации». Формирование отраслевых пропорций было подчинено чему-то вроде общепризнанной, не подлежащей обсуждению иерархии целей. Если говорить о ней в деталях, то она была подвижной и переменчивой, во многом случайной. Но некоторые принципы оставались неизменными, и прежде всего принцип первенства накопления перед потреблением. Экономика была искусственно разделена на два сектора, разгороженных жесткой непроницаемой переборкой. В секторе потребления существовала некая видимость рынка, денежное обращение, нечто, подобное игре спроса и предложения, хотя все это проявлялось в ис-

каженном виде. Твердые низкие цены на товары и услуги, которых не было, наводили на мысль об улыбке Чеширского кота. Наличие или отсутствие спроса на тот или иной товар практически не влияло на инвестиции в его производство. Но все же платежеспособный спрос потребителей был ограничен, что требовало от них экономически рационального поведения.

В сфере накопления таких ограничений не было, здесь действовала другая логика, которую едва ли можно назвать экономически или, во всяком случае, рыночно рациональной. Поведение субъектов, принимающих хозяйственные решения, было обусловлено «внутренним побуждением к расширению производства, сопровождающимся неутолимым, постоянно существующим инвестиционным голодом... Если где-нибудь появляется некоторый ресурс, пригодный для инвестиций, или возник какой-то резерв, спрос на капиталовложения немедленно отсасывает их. Спрос этот почти неудовлетворим, так как бюджетное ограничение на капиталовложения мягкое»⁶⁶ (в отличие от «жестких» ограничений в сфере потребления). Поскольку решение об инвестициях принимали не сами инвесторы, а более высокие инстанции и они же несли ответственность за финансирование, стандартным ответом инвесторов на такую ситуацию было неизменное стремление ко все новым и новым капиталовложениям. При этом, как замечает Корнаи, «спрос на капиталовложения не лимитирован боязнью убытков или краха. Это логически следует из того, что претенденты получают капиталовложения как подарок»⁶⁷.

Такой механизм не побуждал экономить капиталовложения, а, напротив, подталкивал к их расходованию, оправдываемому экстенсивным расширением объема продукции; на техническое перевооружение и реконструкцию действующего производственного аппарата расходовалось менее 1/3 капиталовложений⁶⁸. Все это способствовало росту или, во всяком случае, поддержанию на очень высоком уровне доли накопления в валовом национальном продукте (ВНП) или используемом национальном доходе. Уже в 30-е годы в СССР была достигнута норма накопления, невиданная в западных странах в период их индустриализации. В 1918–1937 гг. она составляла здесь 25% ВНП (в Великобритании в середине XIX в. — 13%, в США в 1870–1890 гг. — 20%, в Германии в конце XIX в. — 20%, в Италии в начале XX — 15%)⁶⁹. В 1950 г. доля накопления в национальном доходе СССР равнялась 24%, в 1960 г. — 27, в 1970 г. — 29,5, в 1980 г. — 24, в 1985 г. — 26%. Если же учесть искусственно заниженные цены на средства производства, военную продукцию и жилищное строительство — главные составляющие фонда накопления, то она приближалась к 40%⁷⁰. В конце 80-х годов в СССР начали исчислять общепринятый в мировой практике показатель валового национального продукта. По официальным данным, валовое накопление в 1989 г. составило 32% ВНП (в ФРГ — 27%, во Франции — 22, в Великобритании — 17, в США — 14%)⁷¹.

⁶⁶ Корнаи Я. Дефицит. М., 1990, с. 569.

⁶⁷ Там же, с. 213.

⁶⁸ Европа и Россия, с. 145.

⁶⁹ Seurot F. Les causes économiques de la fin de l'Empire soviétique. Paris, 1996, p. 77.

⁷⁰ Европа и Россия, с. 68.

⁷¹ Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с. 668.

К этому следует добавить, что при использовании фонда накопления в СССР преимущество всегда отдавалось «первому подразделению», то есть производству средств производства, которое в своем росте должно было — по официальной теории — опережать рост производства предметов потребления (а услуг для этой теории вообще не существовало). На его долю приходилось свыше 70% всей промышленной продукции. Внутри же «первого подразделения» четыре пятых приходилось на производство «предметов труда», то есть прежде всего сырья и материалов⁷². Со времен форсированной индустриализации в СССР существовал культ «тяжелой промышленности», которая некогда была символом экономической самостоятельности страны. Но в структуре тяжелой промышленности очень большое место занимали добывающие отрасли и отрасли, производящие промежуточное сырье, а также вооружение, что, как это ни парадоксально, все чаще говорило как раз о растущей зависимости советской экономики от «Запада» — от экспорта сырья, с одной стороны, и импорта продовольствия и промышленной продукции — с другой.

Эта зависимость все время возрастала, поддержание минимального технического уровня собственной промышленности и удовлетворение насущных нужд населения требовали постоянного наращивания импорта (табл. 2.4). Только с 1970 по 1985 г. стоимость импортируемых машин и оборудования выросла почти в 7 раз, а их доля в оборудовании, связанном с реализацией капиталовложений, увеличилась с 13 до 37%⁷³. В 1985 г. на долю машин, оборудования и транспортных средств пришлось 37% всего советского импорта (и менее 14% экспорта), на долю продовольствия — еще 21% (табл. 2.5). Страна вынуждена была ввезти свыше 44 млн. т зерна, что покрывало свыше 20% его потребления⁷⁴.

Таблица 2.4. Зависимость советской экономики от импорта в 1970–1985 гг.

	1970	1975	1980	1985
Импорт машин и оборудования, млрд. руб.	3,4	8,1	14,2	22,8
Доля импорта в оборудовании в капиталовложениях, %	13,4	21,0	30,4	36,6
Импорт потребительских товаров, млрд. руб.	14,2	22,9	33,6	48,5
Доля импорта в товарообороте, %	9,1	10,9	12,4	15,0

Источник: Белоусов А. Структурный кризис советской индустриальной системы, с. 29.

Для того, чтобы много ввозить, надо много вывозить, на это и была направлена значительная часть советской промышленной мощи, обслуживавшей, в конечном счете, превращение страны в «сырьевой придаток» Западу. В том же 1985 г. главнейшими статьями экспорта были топливно-энергетические ресурсы, а также руды, металлы, химические удобрения, лесоматериалы. В обмен на машины и хлеб ушло 20% произведенной в стране неф-

⁷² Там же, с. 353.

⁷³ Белоусов А. Структурный кризис советской индустриальной системы. // Иное. Т. 1. М., 1995, с. 29.

⁷⁴ Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 653, 657.

ти, 11% газа, 14% железной и хромовой руды, 11% марганцевой, 31% калийных удобрений, 24% хлопка и т. д.⁷⁵ По некоторым оценкам, до 20% советского экспорта приходилось на долю вывоза оружия⁷⁶, хотя этот вид экспорта часто был рассчитан на получение скорее политических, нежели экономических выгод. Огромная масса оружия, поставлявшаяся в кредит «дружественным» странам Третьего мира, никогда не была ими оплачена.

Впрочем сами по себе объемы вывоза еще не раскрывают всей картины. Скажем, для того, чтобы вывезти нефть или газ, недостаточно их произвести, надо еще обеспечить их транспортировку на многие тысячи километров, а для этого «тяжелая промышленность» должна производить огромное количество металла — не случайно СССР превосходил США по производству чугуна и стали. Он был крупнейшим в мире производителем стальных труб (и еще ввозил их: в 1985 г. более 21% его потребности в трубах были покрыты за счет импорта)⁷⁷. Экспортные отрасли нуждались не только в металле, в частности, они были крупными потребителями электроэнергии — как непосредственными, так и опосредованными — как крупные клиенты той же металлургии. Экспортируя энергетические ресурсы и нуждаясь в энергии, необходимо было найти ее новые источники, каковыми и стали атомные электростанции. Развитие атомной энергетики было, по-видимому, неизбежным, но ее ускоренный рост в 70-е – 80-е годы в СССР носил характер создания еще одного дорогостоящего анклава высоких технологий, обслуживающего экономику, в целом ориентированную на экстенсивные факторы. Существование таких анклавов указывает на противоречия, свойственные структуре советской экономики, но не опровергает общего вывода о ее вторичности и зависимости.

Таблица 2.5. Структура экспорта и импорта. СССР, 1985 г., в %

Статьи экспорта и импорта	Все страны		Капиталистические страны	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Машины, оборудование и транспортные средства	13,9	37,1	9,8	31,4
Топливо, оборудование, руда, металлы и изделия из них, химические продукты, удобрения, каучук, лесоматериалы, целлюлозно-бумажные изделия, текстильное сырье и полуфабрикаты	68,4	21,6	69,8	33,2
Продовольственные товары и сырье для их производства	1,5	21,1	1,2	20,9
Промышленные товары народного потребления	2,0	12,6	1,5	9,5
Прочие товары	14,2	7,6	17,7	5,0

Источник: Народное хозяйство СССР в 1990 году, с. 659–660.

⁷⁵ Там же, с. 651, 659.

⁷⁶ Акимов С. Следует ли нам экспортировать оружие? Вопросы экономики, 1991, 4–6, с. 71.

⁷⁷ Народное хозяйство СССР в 1990 году, с. 657.

Макроструктурные характеристики советской экономики всегда указывали на то, что, несмотря на огромные абсолютные объемы промышленного производства, СССР не входил в число экономических лидеров XX века. Если сравнить СССР с его главным конкурентом — США, то между ними обнаруживаются громадные структурные различия. В 1985 г. в СССР вклад промышленности и строительства в валовой национальный продукт составлял 45%, в США — 31%. На долю сельского хозяйства в СССР приходилось 17%, в США — всего 2%. Зато участие в создании валового продукта транспорта, связи, торговли и сферы услуг в СССР ограничивалось 38%, в США же на их долю приходилось 67%⁷⁸. Примерно таким же было и соотношение долей занятых в третичном секторе экономики. В 80-е годы по доле занятых в сельском хозяйстве (20%) СССР не мог равняться ни со США (3%), ни с Германией — ФРГ (5%), ни с Францией (7%), по этому показателю он был близок к таким странам, как Испания, Португалия или Ирландия. Что же касается доли занятых в промышленности, то здесь у него было больше сходства с развитыми странами, но, при гораздо более высокой доле занятых в сельском хозяйстве, это неизбежно означало неразвитость сферы услуг.

Структурные различия с экономически развитыми странами сами по себе отнюдь не свидетельствовали о кризисе и легко могли быть объяснены более поздней индустриализацией СССР. Если что и должно было насторожить внимательных наблюдателей, то чрезвычайно вялая динамика сложившейся структуры в 70-е – 80-е годы. Например, доля занятых в промышленности практически не менялась с 1970 года. Очень медленно росла доля занятых в сфере услуг. Это совершенно не соответствовало тому, что происходило в это время на Западе, и вело к увеличению структурных различий с западной экономикой, но советское народное хозяйство, как загнипнотизированное, продолжало двигаться в прежнем, все более терявшем смысл направлении.

Время милитаризма

Одной из ключевых особенностей эволюции советской экономической структуры было ее постоянное сползание в сторону все большей милитаризации. Может показаться, что это было следствием международной обстановки или, по крайней мере, ее интерпретации официальными политиками и идеологами. На деле же раздутое военное производство в СССР — прежде всего порождение мобилизационной безрыночной или квазирыночной экономики и в то же время ее главная опора, а милитаризация экономики — одна из ее родовых черт.

После Второй мировой войны СССР, как и другие воевавшие страны, вошел в новый этап экономической модернизации, и, возможно, это породило некоторые реформаторские иллюзии, надежды на появление механизмов, рационализирующих поведение экономических субъектов. Но, по существу, он ничего не изменил в природе системы, ибо не поставил под сомнение ни сам принцип централизованно принимаемых макроэкономи-

⁷⁸ Народное хозяйство СССР в 1989 году, с. 675. Интересно отметить, что официальные данные ЦСУ оказались близки к выполненным ранее оценкам ЦРУ США. По этим оценкам, в 1982 г. вклад промышленности и строительства в ВВП СССР составлял 41,4%, а со скрытой частью военного производства — 43,4%; вклад сельского хозяйства — 20,2%, транспорта, связи, торговли и услуг — 35,8%. По альтернативной оценке Стайнберга, соответственно: 47,3; 18,4 и 25,2%. (Steinberg D. The Soviet economy, 1970–1990: a statistical analysis. San Francisco, 1990, p. 189).

ческих решений, ни дух «мобилизационной модели», задававший экономические приоритеты. Даже если и согласиться с тем, что в это время обозначились две конкурирующие между собой экономические ориентации: потребительская и милитаризационная⁷⁹, — то следует признать, что шансы конкурентов с самого начала были неравными.

На протяжении всех послевоенных десятилетий главным официальным приоритетом страны, которой никто не угрожал, оставалась оборона, и это определяло общую направленность всех ее экономических усилий. Насколько можно судить по различным публиковавшимся оценкам, на долю «оборонного комплекса» СССР в 80-е годы приходилось 20–25% валового национального продукта⁸⁰ (против 6,5% в США). Третья часть всех занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды⁸¹. Свыше 60% продукции машиностроения составляли товары военного назначения, на военные цели шло 75% всех ассигнований на науку⁸². В конце 80-х годов потенциал ВПК превосходил потенциал гражданского машиностроения в 2–3 раза, а расходы на исследования и опытно-конструкторские работы в военном секторе были в 5–7 раз выше, чем в гражданском⁸³. За 70-е – 80-е годы страна израсходовала на вооружение сверх необходимого 700 миллиардов рублей⁸⁴, при том, что по официальным данным произведенный национальный доход составлял (в текущих ценах) в 1970 г. 290 миллиардов рублей, в 1980 — 579, в 1990 г. — 701 миллиард. По оценке Д. Стайнберга, при росте ВВП за 1970–1985 гг. на 28%, его часть, используемая на военные нужды, увеличилась на 44%, тогда как часть, идущая на потребление, выросла всего на 22%, а в расчете на душу населения — всего на 7%⁸⁵. В конце 80-х годов СССР значительно опережал любую страну мира, включая США, по количеству произведенных танков и другой бронетехники, артиллерийских орудий, многих типов ракет, военных самолетов и вертолетов, боевых кораблей, подводных лодок и т. д.⁸⁶. Военное производство превратилось в важную экспортную отрасль, на долю вывоза оружия приходилось, как уже упоминалось, до 20% всего советского экспорта.

Конечно, милитаризация экономики может иметь и имеет самые разные причины, но, по-видимому, не следует недооценивать глубинную, внутреннюю связь между военной экономикой и государственным социализмом. Эта связь была подмечена давно. Как писал еще накануне Первой мировой войны некий американец, наблюдавший тогдашнее экономическое развитие Германии, «наши прадеды и деды, некоторые из них, читали либо обсуждали эксперименты Сен-Симона, Фурье, Роберта Оуэна, Мориса и Кингсли или Брук Фарм и несомненно верили, что заря XX века извлечет некоторый бальзам из этих теорий для исцеления наших социальных ран. Они бы с удивлением протерли глаза, случись им проснуться в 1912 г. ... Они были бы озадачены тем, что нация, которая

⁷⁹ Белоусов А. Цит. соч., с. 18.

⁸⁰ Спеклер М., Ожегов А., Малыгин В. Конверсия оборонных предприятий: выбор стратегии. Вопросы экономики, 1991, 2, с. 13.

⁸¹ Салихов Б. Экономический механизм эффективной конверсии. Вопросы экономики, 1991, 2, с. 22.

⁸² Там же.

⁸³ Белоусов А. Цит. соч., с. 26.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Steinberg D. Op. cit., p. 226–227.

⁸⁶ Seurot F. Op. cit., p. 31.

дальше всех продвинулась в применении теории государственного социализма, имеет самую большую армию, самые высокие налоги и второй по мощности флот»⁸⁷.

В условиях централизованной экономики военное производство наиболее функционально. В отличие от гражданского, оно не нуждается в рынке как в месте непрерывного диалога производителя с потребителем, в самом платежеспособном потребителе, в росте массового потребления. Оно имеет дело с централизованным спросом, который, напротив, тем больше, чем большая часть дохода в той или иной форме изымается государством у граждан, ограничивая их экономическое своеволие. Инвестиционный цикл в военном производстве не зависит от потребительского спроса и отличается поэтому большой устойчивостью, его легко планировать. ВПК живет и развивается в обособленном, замкнутом мире, экономический государственный Левиафан сожительствоует в нем сам с собой. Если бы вся экономика могла быть только военной, централизованное планирование не имело бы соперников, оно лучше всего чувствует себя в казарме.

Система предпочтений советской экономики сложилась в эпоху ускоренной индустриализации. Но требования индустриализации способны оправдывать подавление «анархии потребления» лишь временно. По мере создания базовых отраслей промышленности, основных элементов индустриальной инфраструктуры, убедительность призывов жертвовать экономическим настоящим во имя будущего ослабевала. А непрерывный рост военного производства мог опираться уже не на временную логику «большого скачка», а на постоянную логику «осажденной крепости». Это позволяло бесконечно долго сохранять экономическую монополию центра, расходовать огромную долю валового внутреннего продукта на накопление, консервировать низкий уровень потребления и дешезвизну рабочей силы. Правдами и неправдами достигалось широкое общественное согласие по поводу необходимости особой военной мощи страны — для победы ли над врагом, для поддержания ли мира; пользуясь этим согласием, военное производство на протяжении нескольких мирных десятилетий поглощало огромную долю национальных ресурсов и непрерывно разрасталось.

Именно в согласованности внутренних механизмов военной экономики, государственного монополизма и казарменного тоталитаризма и заключался секрет долгожительства советской мобилизационной модели модернизации. Но у нее было и свое слабое место. Лишенная обратных связей и диктующая свои приоритеты милитаризованная экономика не знает внутренних пределов экспансии. Она разрастается, как раковая опухоль, поглощает все больше и больше ресурсов и останавливается только перед внешней границей: полным исчерпанием экономических возможностей общества. Это и произошло в СССР. Военная экономика разорила страну, но отнюдь не укрепила ее обороноспособность. СССР обладал мощными видами оружия массового поражения, но был абсолютно не готов к войне экономически: в спокойное мирное время его жители испытывали постоянную нехватку элементарных продуктов питания, товаров повседневного пользования, медикаментов, включая простейшие перевязочные материалы. Милитаризация экономики посадила на голодный паек не только непроизводственное потребление и сферу услуг, но и гражданские отрасли производства, невоенные научные исследования и даже, как ни парадоксально это звучит, саму армию. Она преврати-

⁸⁷ Collier P. Germany and Germans from an American point of view. NY, 1914, p. 591–592.

лась в главный источник структурных деформаций, а в конечном счете — и экономического кризиса, к какому едва ли способен был привести страну самый большой разгул рыночной стихии.

Техническое отставание

В 1939 г., на волне успехов индустриализации, Сталин утверждал, правда, видимо, и тогда с большой долей преувеличения, что «с точки зрения техники производства, с точки зрения объема насыщенности промышленного производства новой техникой, наша промышленность стоит на первом месте в мире»⁸⁸. При этом не упоминалось, что одним из важных источников технического прогресса в годы первых пятилеток, особенно в начале 30-х годов, было заимствование западных технологий и использование западных специалистов. Жесткая экономическая политика советского руководства в период индустриализации сделала возможными крупные инвестиции в ключевые отрасли промышленности. Но одного этого было недостаточно. Э. Сюттон, автор трехтомного исследования о роли западных технологий в экономическом развитии СССР с 1917 по 1965 г., ссылается на американские данные, согласно которым прирост продукции обрабатывающей промышленности США с 1919 по 1955 г. в расчете на человеко-час на 90% был обеспечен совершенствованием технологии и только на 10% — ростом инвестиций⁸⁹. Не удивительно, что заимствование новейших технологий играло очень важную роль в развитии советской экономики. Вначале об этом много писали в СССР, но начиная с 1932 г. вся информация о научно-техническом сотрудничестве с Западом стала подвергаться цензуре, и такое заимствование превратилось в один из секретов режима. Разумеется, это был секрет только от собственных граждан, потому что на Западе заключающиеся с СССР контракты, как правило, становились достоянием гласности.

Техническая помощь Запада сыграла очень важную роль в становлении советской промышленности. Между 1929 и 1940 гг. в СССР было ввезено 300000 высококачественных станков, нередко закупалось полностью оборудование целых огромных заводов⁹⁰. По некоторым оценкам, более четверти нового оборудования, введенного в эксплуатацию с 1928 по 1941 г., было импортировано⁹¹. Американские, немецкие и другие западные инженеры участвовали в проектировании и строительстве важнейших промышленных объектов 30-х годов. Как отмечает Сюттон, строившиеся тогда заводы, по общему мнению, использовали самую передовую технологию того времени и часто были самыми большими в мире. Это подчеркивалось советской пропагандой, но было бы неразумно, с ее точки зрения, говорить, например, о том, что крупнейший в мире Магнитогорский металлургический комбинат был просто увеличенной копией металлургического завода в Гэри в штате Индиана⁹². Основная масса импорта технологий (до 80%) пришлось на первую пятилетку, впоследствии сотрудничество с Западом стало свора-

⁸⁸ Сталин И. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). Вопросы ленинизма. М., 1952, с. 616.

⁸⁹ Sutton A. Western technology and Soviet economic development, 1917 to 1930. Stanford, 1968, p. 3.

⁹⁰ Sutton A. Western technology and Soviet economic development, 1945 to 1965. Stanford, 1973, p. 413.

⁹¹ Seurat F. Les causes économiques de la fin de l'Empire soviétique. Paris, 1996, p. 103.

⁹² Sutton A. Western technology and Soviet economic development, 1930 to 1945. Stanford, 1971, p. 341, 343.

чиваться, и к концу 30-х годов это, возможно, привело к замедлению технического прогресса⁹³.

Война нанесла огромный ущерб только что созданной советской промышленности, но период послевоенного восстановления во всех пострадавших от войны странах открыл возможности кардинального обновления производственного аппарата. К тому же в конце и после войны СССР получил по ленд-лизу и связанным с ним программам американского промышленного оборудования на 1,25 млрд. долларов. Кроме того, в СССР поступило — в порядке репараций или в качестве трофеев — огромное количество западной техники из Германии и других воевавших на ее стороне государств, а также из Манчжурии. Вклад всех этих источников в послевоенное развитие советской экономики в СССР постоянно преуменьшался или замалчивался. Еще Н. Вознесенский подчеркивал, что нанесенный войной ущерб «в ничтожной мере покрывается за счет перемещения, в порядке репарации из Германии в СССР, промышленного оборудования. Стоимость этого оборудования составляет всего 0,6% от размера только «прямых потерь имущества» СССР в период Отечественной войны»⁹⁴. При переиздании книги Вознесенского в 1979 г. этого показалось недостаточным, и редакция добавила свое примечание: «Репарации имели кратковременный характер и вскоре после окончания войны были отменены»⁹⁵.

Между тем, по оценке, сделанной Г. Ханиным на основе официальных советских данных, общий объем немецких репараций (4,3 млрд. долларов в ценах 1938 г.⁹⁶) во внутренних ценах составил 86 млрд. рублей, в том числе промышленного оборудования на 70 млрд. рублей, тогда как капитальные вложения в промышленность в четвертой пятилетке составили 136 млрд. рублей (примерно 40% этой суммы, или 66 млрд., — затраты на машины и оборудование). «Таким образом, — утверждает Ханин, — репарационные платежи Германии полностью покрывали потребности промышленности СССР в оборудовании в четвертой пятилетке», а частично «использовались также в комплектовании оборудованием промышленности в период пятой пятилетки»⁹⁷. Об этом же пишет и Сюттон. В СССР было передано примерно две трети немецкой авиационной и электротехнической промышленности, большая часть ракетостроения, автомобильные, станкостроительные, военные и другие заводы и т.д.⁹⁸. По утверждению Сюттона, утраченные во время войны производственные мощности были более чем возмещены поставками по ленд-лизу и репарациями и к тому же замещены оборудованием, произведенным на 10–15 лет позже, чем утраченное⁹⁹.

Казалось бы, к началу 50-х годов можно было ожидать растущего вклада технического прогресса в развитие советской экономики, тем более, что к тому времени в стра-

⁹³ Ibid., p. 342. См. также: Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР, с. 182.

⁹⁴ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948, с. 163–164.

⁹⁵ Вознесенский Н. Избранные произведения 1931–1947. М., 1979, с. 585.

⁹⁶ Сюттон говорит о 10 млрд. долл. (Sutton A. Western technology ..., 1945 to 1965, p. 14, 16).

⁹⁷ Ханин Г. И. Цит. соч., с. 265.

⁹⁸ Sutton A. Western technology..., 1945 to 1965, p. 414.

⁹⁹ Sutton A. Western technology ..., 1930 to 1945, p. 346.

не были созданы мощные научные и конструкторские центры, способные самостоятельно решать сложные технические задачи, была налажена массовая подготовка квалифицированных технических кадров, собственный потенциал технического прогресса быстро нарастал. Однако Сюттон, разграничивая науку и технологию, изобретение и его внедрение, то есть реальное нововведение в промышленной технологии, утверждает, что за весь исследованный им период в Советском Союзе не было внедрено ни одного фундаментального промышленного нововведения отечественного происхождения¹⁰⁰. Разумеется, можно поставить этот вывод под сомнение, увидеть в нем намеренное преуменьшение советских экономических и технических достижений, навеянное общим духом времен «холодной войны». Но сам факт трудностей, которые постоянно возникали на пути технического прогресса в СССР и обрекали его на постоянное отставание от Запада, отрицать невозможно.

Громкие жалобы на такое отставание прозвучали уже вскоре после смерти Сталина из уст тогдашнего главы правительства Н. Булганина. «Создаваемые нашими машиностроителями многие образцы машин и оборудования по своим техническим характеристикам отстают от лучших образцов, выпускаемых за границей»; «некоторые заводы выпускают станки устаревших конструкций»; «работники автомобильной и тракторной промышленности должны в короткие сроки ликвидировать свое отставание в области техники»; «отставание в автоматизации производственных процессов»; «технология изготовления приборов нередко отсталая»; «техническая отсталость ткацкого производства»; «почему Министерство машиностроения и приборостроения питает столь сильную привязанность к отсталой технике?» и т. д.¹⁰¹.

Все последующие десятилетия прошли под знаком безуспешных попыток преодолеть нараставшее отставание. К концу 50-х годов в СССР снова усилился интерес к импорту технологий. Например, в 1959–1963 гг. на Западе было закуплено целиком 50 химических заводов¹⁰². В тех же отраслях, где передача новых технологий ограничивалась западной стороной из военно-стратегических соображений (например, электроника), отставание стало особенно явным. Советские станки, автомобили, сельскохозяйственное или бытовое оборудование, вычислительная техника — ничто не выдерживало, как правило, сравнения с американскими, западноевропейскими или японскими образцами, было неконкурентоспособно на мировом рынке. В советском экспорте преобладали сырье и промышленные полуфабрикаты или относительно простые машины и оборудование, вывозившиеся, по большей части, в слаборазвитые районы мира. Даже превосходство отраслей, считавшихся передовыми, вызывало все большие сомнения. Американцы, принявшие космический вызов СССР, очень скоро достигли большего: вскоре после появления на Луне советского управляемого аппарата они доставили на нее космонавтов. Видимо, не слишком велики были успехи и в области чисто военной техники. По оценкам западных экспертов, в 80-е годы СССР отставал от США по 17 видам вооружения, лидировал же только по пяти (среди них химическое и бактериологическое оружие)¹⁰³.

¹⁰⁰ Sutton A. Western technology..., 1945 to 1965, p. XXV.

¹⁰¹ Булганин Н. А. О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 4 июля 1955 г. М., 1955.

¹⁰² Sutton A. Western technology..., 1945 to 1965, p. 415.

¹⁰³ Фальцман В. Кризис Союза и будущее экономики России. Вопросы экономики, 1991, 4–6, с. 24.

Серьезность проблемы нового экономического и технического отставания была осознана не сразу и далеко не в полной мере. Видимо, правды об экономике страны до конца не знал никто — ни рядовые ее граждане, ни высшие руководители. В этом смысле любопытны высказывания А. Сахарова, относящиеся к концу 60-х годов. Пытаясь противостоять иллюзиям «небывалых успехов» советской экономики, он, в частности, писал, что если СССР и догоняет западные страны по некоторым традиционным отраслям экономики, теряющим свое определяющее значение, то в значительной мере благодаря «эффекту лыжни», гонки за лидером. В более же новых отраслях (производство средств автоматизации, вычислительных машин и пр.), а также в научных исследованиях он отмечал не только отставание, но и меньшие темпы роста, что «исключает возможность полной победы нашей экономики в ближайшие десятилетия»¹⁰⁴. Тем не менее даже Сахаров полагал тогда, что «в вопросе обеспечения высшей производительности общественного труда, и в развитии производительных сил, и в вопросе обеспечения высокого уровня жизни большей части населения капитализм и социализм „сыграли вничью“»¹⁰⁵. На самом же деле до ничьей было далеко, рост советской экономики шел в основном за счет экстенсивных факторов, тогда как «производительность общественного труда» почти не росла. Если за 1966–1970 гг. она выросла на 33%, то за 1971–1975 — на 21, за 1976–1980, как и за 1981–1985 гг., — всего на 14%¹⁰⁶. По одной из оценок, выполненных на Западе, в 1983 г. производительность труда в СССР составляла 72% итальянской, 60% японской, 51% французской, 46% западногерманской и 38% американской¹⁰⁷.

Ограничение потребления

В дореволюционной России, как во всякой аграрной стране, к тому же экспортировавшей продовольствие, уровень потребления большей части населения был низким, потребности — неразвитыми. Периодически, в неурожайные годы, огромные районы переживали вспышки катастрофического голода. Качество жилищ, благоустройство населенных мест, бытовой комфорт, потребление непродовольственных товаров — все было на крайне низком уровне. Годы революций и войн, коллективизации и индустриализации, связанных с ними массовых миграций, конечно, не принесли существенных перемен. Поэтому даже минимальные городские удобства и вообще городской тип потребления, которые становились доступными все большей части населения СССР после Второй мировой войны, воспринимались как признаки начавшегося роста благосостояния. Такой рост и в самом деле имел место, и, по-видимому, можно говорить даже о качественном скачке, о своеобразной революции в первичных потребностях и потреблении. У этой революции были свои движущие силы, ибо она была неотъемлемой частью всей советской экономической революции. Но были и свои жесткие ограничения, которые предписывались самой природой мобилизационной экономики: рост благосостояния большинства населения не мог выйти за

¹⁰⁴ Сахаров А. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе.// Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М., 1990, с. 37.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Аганбегян А. Советская экономика — взгляд в будущее. М., 1988, с. 109,125.

¹⁰⁷ Schroeder G. The system versus progress; Soviet economic problems. London, 1986, p. 35.

границы минимального, функционально необходимого, а на практике он едва ли достигал даже этой границы.

В 1985 г., согласно американским оценкам, валовой национальный продукт в расчете на душу населения СССР составлял 8,4 тысяч долларов, тогда как в таких странах, как США, ФРГ, Япония, он находился на уровне 18–20 тыс. При этом в СССР доля ВВП, идущая на потребление, была намного ниже, чем в западных странах. В конце 80-х годов (1989) на конечное потребление домашних хозяйств в СССР расходовалось 48% валового национального продукта (в США — 66%, при том что абсолютная величина ВВП на душу населения в США была в 2,3 раза выше, чем в СССР)¹⁰⁸. Возможно, что на самом деле домашним хозяйствам доставалось даже меньше. По признанию М. Горбачева, в СССР только 6–8% производственных фондов работало на «товары народного потребления»¹⁰⁹.

В результате уровень потребления в СССР оставался очень низким. В свое время ЦРУ США подготовило специальный доклад об уровне потребления в СССР в середине 70-х годов. Позднее доклад был проанализирован бывшим советским экономистом И. Бирманом, который предложил свои поправки. Согласно выводам ЦРУ, душевое потребление в СССР в 1976 г. составляло 34,4% от душевого потребления в США, по оценке Бирмана эта величина находилась между 22,4 и 28,4% (минимальная и максимальная оценки). Душевое потребление продуктов питания составляло 53,7% американского уровня (по Бирману, 43,8%), товаров длительного пользования 13,3% (10,9–12,1%), услуг, получаемых домохозяйствами, — 17,8% (13,8–15,3%), услуг системы образования — 76,7% (84,7–93,7%), системы здравоохранения — 33,4% (39,1–51,3%)¹¹⁰. Комментируя эти оценки, Г. Ханин писал: «Пересчет И. Бирмана, как он сам отмечает, „все еще приукрашивает действительное состояние“, и я бы добавил, весьма заметно»¹¹¹. Сам же Бирман обращал внимание на то, что, если принять оценки ЦРУ, намного более «приукрашивавшие» уровень советского потребления, то даже этот завышенный уровень примерно соответствовал официальному уровню бедности в США — черте, за которой в 1976 г. находилось около 12% американского населения¹¹². В последующие годы уровень жизни в СССР не только не рос, но, видимо, даже снижался. Среднегодовые темпы роста реальных доходов населения падали на протяжении всего послевоенного периода: 6,5% — в пятидесятые годы, 4,7% — в шестидесятые, 3,4% — во второй половине семидесятых, 1,8% — в первой половине восьмидесятых. Но, согласно оценкам, учитывающим скрытый рост цен, последние две цифры превращаются в 2,9% и –0,9%; иными словами, в первой половине восьмидесятых годов реальные доходы снижались¹¹³.

К этому надо добавить нараставшую бедность потребительского рынка. В начале 80-х годов, после нескольких десятилетий мирной жизни, в СССР стали все больше

¹⁰⁸ Народное хозяйство СССР в 1990 году, с. 668; Statistical Abstract of the United States 1991. Washington, 1991, p. 841.

¹⁰⁹ «Известия», 25 марта 1991 г.

¹¹⁰ *Birman I.* Personal consumption in the USSR and the USA. N.Y., 1989, p. 155.

¹¹¹ Ханин Г. Советский экономический рост: анализ западных оценок. Новосибирск, 1993, с. 126.

¹¹² *Birman I.* Op. cit., p. 30–32.

¹¹³ Белоусов А. Цит. соч., с. 17.

распространяться всеохватывающий товарный дефицит, типичное для военного времени рacionamento потребления продовольственных и даже части непродовольственных товаров. Постоянная нехватка товаров и неразвитость сферы услуг сочетались с очень высоким уровнем занятости в «общественном производстве»: она была почти всеобщей, причем занятость женщин в основных трудоспособных возрастах практически не отличалась от занятости мужчин. Ничего подобного не встречалось нигде в мире. В результате каждый «трудящийся» и особенно каждая «трудящаяся» должны были за пределами официального рабочего дня заниматься постоянным самообслуживанием, в частности, тратить огромное количество «свободного» времени на решение повседневных бытовых вопросов, «доставание» дефицитных товаров, отстоявание в бесконечных очередях, которые стали едва ли не самым ярким символом советского быта. Механизмы мобилизационной экономики неумолимо выжимали из «трудящихся» все соки, любые экономические затруднения отзывались, в первую очередь, на уровне и качестве жизни, которые, по стандартам промышленно развитых стран второй половины XX века, оставались в СССР весьма низкими.

Разумеется, население не оставалось совершенно пассивным перед лицом постоянных экономических ограничений, навязываемых системой, и, как могло, сопротивлялось им. Но при господстве централизованной экономики такое сопротивление неизбежно порождало уродливые «теневые» экономические формы, разраставшуюся коррупцию, что лишь еще больше усугубляло кризисное состояние системы.

Погружение в сон

В последние десятилетия существования СССР лишенная внутренних побуждений к росту советская экономика с нарастающей скоростью деградировала, все показатели неизменно ухудшались. Как отмечал Ханин, к концу 80-х годов в советской экономической литературе было общепризнано, что «период 1961–1985 гг. характеризовался непрерывным падением темпов экономического развития»¹¹⁴, однако измерить степень этого падения непросто. И советским, и зарубежным специалистам всегда приходилось судить об экономике СССР, используя крайне неполную, а часто и намеренно искаженную информацию. Поэтому все имеющиеся оценки зависят от метода реконструкции реальной картины, различаются между собой и дают лишь приблизительное представление о том, что происходило на самом деле.

И тем не менее они не оставляют места для принципиальных разночтений. Все оценки, включая и официальные оценки ЦСУ СССР, указывают на быстрое ухудшение экономических показателей, разница заключается лишь в степени этого ухудшения. В частности, по всем оценкам, непрерывно падали темпы роста национального дохода и валового национального продукта (табл. 2.6). То же происходило и с темпами роста производственных ресурсов — капиталовложений (рост на 44% в 1971–1975 гг. и всего на 17% в 1981–1985), основных фондов (соответственно 52 и 37%), продукции добывающей промышленности (25 и 8%), занятости (6 и 2%). Фондоотдача и эффективность капиталовложений падали, по крайней мере, со второй половины 60-х годов¹¹⁵.

¹¹⁴ Ханин Г. Советский экономический рост..., с. 191.

¹¹⁵ Аганбегян А. Цит. соч., с. 109, 125.

Преимущество в темпах экономического роста, которым СССР некогда обладал, быстро испарялось. По расчетам Ф. Серо, национальный доход СССР в расчете на душу населения за период с 1913 по 1989 г. вырос в 4,6 раза, то есть больше, чем в США (3,8 раза) или Великобритании (3,3 раза). Но Франция (рост национального дохода в 5,1 раза), Германия (5,4), Италия (6,2) и особенно Япония (13,6 раза) значительно опережали СССР¹¹⁶. Соответственно перестал уменьшаться и даже начал увеличиваться разрыв между СССР и странами с рыночной экономикой. Если верить Ж. Соколову, советский ВВП в расчете на душу населения в 1950 г. составлял 28% американского. До середины 70-х годов это соотношение улучшалось и достигло 42%, после чего оно снова начало ухудшаться и к 1985 г. опустилось до 38%¹¹⁷.

Таблица 2.6. Среднегодовые темпы прироста национального дохода и ВВП по разным оценкам, СССР, 1951–1985 гг., в %.

Автор оценки	1951-1955	1956-1960	1961-1965	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985
Национальный доход							
ЦСУ СССР	11,3	9,4	6,3	7,8	5,6	4,4	3,2
Ханин/Селюнин	9,3	9,3	4,4	4,1	3,2	1,0	0,6
Валовой национальный продукт							
ЦСУ СССР	-	-	-	-	-	4,8	3,7
ЦРУ США							
первоначальная оценка	5,5	5,9	5,0	5,2	3,7	2,7	-
пересмотренная оценка	-	-	-	4,9	3,0	1,9	1,8
Д. Стайнберг	-	-	-	4,8	2,1	1,6	1,0
Ж. Соколов	4,8	4,2	3,9	4,2	2,9	1,7	1,6
М. Харрисон	4,8	3,5	3,7	3,9	2,4	0,9	1,6

Источники: Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 8; Европа и Россия. Опыт экономических преобразований, с. 104; Steinberg D. The Soviet Economy, 1970–1990, p. 182; Sokoloff G. La puissance pauvre, p. 787–790; Harrison M. Accounting for war: Soviet production, employment and the defence burden, 1940–1945. Cambridge, 1996, p. 298.

¹¹⁶ Seurot F. Op. cit., p. 47.

¹¹⁷ Sokoloff G. La puissance pauvre. Une histoire de la Russie de 1815 à nos jours. Paris, 1993, p. 787–790.

2.6. К новой экономической модели

Нельзя сказать, что руководство страны совсем не замечало неблагоприятный в экономическом развитии и не пыталось их преодолеть. Немалые усилия были предприняты уже Хрущевым. Здесь и использование чисто экстенсивных факторов, как в случае с освоением целинных земель в Казахстане, и структурно-технологические сдвиги в разных отраслях экономики (например, кампания по насаждению кукурузы в сельском хозяйстве или переход к индустриальным методам в строительстве), и попытки изменения системы организации и управления экономикой путем создания совнархозов. В некоторых действиях Хрущева просматривается стремление, может быть интуитивное, сломать жесткую управленческую вертикаль, ничем не ограниченную монополию центра, противопоставить ему множество принимающих решения относительно самостоятельных субъектов. Важно и то, что во времена Хрущева получил признание, правда, больше на словах, чем на деле, принцип экономической заинтересованности работника — он подчеркивался как противовес сталинскому принципу «голого энтузиазма». Постепенно из признания этого принципа выросли идеи более глубокой экономической реформы (они связывались с именем харьковского экономиста Е. Либермана), которую в середине 60-х годов, уже после ухода Хрущева, попытался осуществить тогдашний глава правительства Косыгин. Замысел реформы предполагал значительное расширение действия рыночных регуляторов, экономической самостоятельности хозяйственных единиц, и если бы реформа действительно осуществилась, страна сделала бы очень существенный шаг по пути перехода к нормальной современной экономике.

Этого, однако, не произошло. Реформа захлебнулась, натолкнувшись на сопротивление системы и не получив серьезной политической поддержки, а система приобрела еще большую жесткость, стала демонстрировать свое неприятие любых реформ. С этого времени началась откровенная экономическая деградация. Попытки воздействовать на экономику прежними методами становились все менее эффективными, потому что кончалось время, отпущенное мобилизационной модели экономического развития и сопутствовавшему ей централизованному планированию. По мере того как советская экономика по своим структурным и материально-техническим параметрам сближалась с экономикой западного типа, она все меньше нуждалась в искусственных государственно-монополистических подпорках, которые превращались в помеху. Кризис приобретал системный характер, но осознание этого факта с трудом давалось советской политической и экономической элите.

Иллюстрацией тогдашнего положения может служить эпизод с «Комиссией Кириллина», созданной в 1979 г. по указанию высшего руководства страны и подготовившей секретный доклад об ухудшении экономического положения СССР. В докладе отмечались экстенсивный характер экономики, падение темпов роста производительности труда, низкие уровень и качество жизни, сильное отставание по важнейшим показателям от экономически развитых стран. Хотя высокопоставленные авторы доклада опирались на официальную статистику, которая приукрашивала положение, доклад, видимо, давал представление о его серьезности и был «интересен... как до-

кументальное подтверждение: высшие руководители страны прекрасно знали, что экономика на краю пропасти и нужен крутой поворот»¹¹⁸. Поворота, однако, не произошло, доклад не имел последствий и остался неизвестен общественному мнению. Более того, он вызвал критику даже в том узком кругу, который был с ним знаком. В частности, в замечаниях Н. Байбакова, председателя Госплана СССР (он тоже был членом комиссии Кириллина), главным недостатком доклада был назван чрезмерный интерес к опыту США и Японии и говорилось, что «это отрицательно сказалось на предлагаемых в докладе мероприятиях, которые во многих случаях исходят из опыта капиталистической системы и не могут принести пользы в условиях социалистического способа производства»¹¹⁹.

На официальный уровень полупризнание кризиса вышло только при Горбачеве. Говоря о положении в стране, которое «сложилось к 80-м годам и сделало перестройку необходимой и неизбежной», он заявил: «В своем анализе мы прежде всего столкнулись с торможением роста экономики... Страна, прежде энергично догонявшая наиболее развитые страны мира, начала явно сдавать одну позицию за другой»¹²⁰. Для официального партийного лидера середины 80-х годов — это довольно смелое заявление. Но, по существу, перед нами — не более, чем очередной плач об отставании, сопровождавшийся все той же верой в достаточность одних технологических изменений плюс всемогущество Советской власти. «В настоящее время мы особенно ощущаем..., что именно благодаря социалистической системе и плановой экономике нам гораздо легче осуществлять поворот в нашей структурной политике, чем в условиях частного предпринимательства...»¹²¹. Но как раз система-то и не годилась. Это стало ясно очень скоро.

В обстановке горбачевской гласности понадобилось очень немного времени, чтобы от робких полупризнаний серьезного экономического неблагополучия прийти к пониманию общего кризиса системы централизованного планирования. Сыграв свою роль в стремительном превращении аграрной экономики бывшего СССР в промышленную, она постепенно исчерпала свои возможности и превратилась в тормоз развития, что потребовало демонтажа системы, начавшегося — явно с опозданием — в конце 80-х годов. Ее предстояло глубоко реформировать, постепенно перевести страну из чрезвычайного режима экономического скачка в режим нормального развития. Только после проведения реформ созданный в чрезвычайных условиях производственный аппарат мог обрести второе дыхание, а экономическая революция в СССР или в странах — его преемниках — завершиться.

¹¹⁸ Лацис О. Неуслышанное предупреждение. «Известия», 27 августа 1993 г.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988, с. 13. Как жаловался Горбачев, даже занимая очень высокий пост, он не имел доступа ко всей экономической информации. Еще в 1983 г., тогдашний Генеральный секретарь Андропов «не разрешил ему и двум секретарям ЦК, занимающимся экономическими вопросами, ознакомиться ни с бюджетными проказателями, ни с данными о военных расходах. Советские лидеры не могли справиться с бюджетной проблемой, потому что ничего о ней не знали. Они сами себя обманывали, из всего делаая тайну». (Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996, с. 69).

¹²¹ Там же, с. 33.

В свое время, в 20-е годы, доработка «проекта будущего», с которым большевики подошли к революции, потребовала нескольких лет уже после того, как они пришли к власти. У людей же, начавших демонтаж системы во второй половине 80-х годов и продолживших его в 90-е, вообще не было никакого проекта, да и не могло его быть, потому что всякая работа над такого рода проектами до начала «перестройки» была запретной. Были, конечно, не считавшиеся с официальными запретами диссиденты, но их энергия почти целиком уходила на критику сущего. Так что «проект» пришлось на скорую руку набрасывать тут же, в ходе его реализации, — и тут же непрерывно изменять и уточнять его.

Огромной стране предстояло совершить крутой поворот от одной экономической модели к другой. Реформы должны были глубоко затронуть отраслевую структуру народного хозяйства, отношения собственности, главные механизмы управления экономикой, основные экономические институты, они никак не обещали быть легкими. Не имея четкого плана действий и сложившихся социальных сил, кровно заинтересованных в его проведении в жизнь, страна была обречена на серию проб и ошибок, без которых невозможно почувствовать истинную меру сопротивления системы, понять его смысл, его объективную природу.

Никакие реформы не способны сходу преодолеть инерцию сложившихся за многие годы экономических отношений, воплотившихся в материальной структуре народного хозяйства: в соотношениях производства, потребления и накопления, первичного, вторичного и третичного секторов, мирного и военного производства и т. д. Структурные особенности экономики могут затруднить демонтаж всей системы, даже когда общество готово с ней расстаться. Чтобы избавиться от них в ходе реформ, «экономическое тело» должно подвергнуться сложнейшей хирургической операции. Надо разорвать замкнутое кольцо автономного военно-промышленного комплекса и подсоединить его, так сказать, на общих основаниях к единой кровеносной системе всего становящегося рыночным народного хозяйства. При этом огромная часть факторов производства, прежде всего труда и капитала, должна переместиться из отраслей, производящих вооружение и работающих на них, в отрасли, обслуживающие рынок потребительских товаров и услуг.

Если бы факторы производства обладали абсолютной мобильностью, включение механизмов рынка сделало бы их перераспределение в соответствии с новой системой предпочтений относительно простым делом, хотя и в этом случае легкость перемен не следует переоценивать. Сами рыночные предпочтения складываются постепенно, тоже путем проб и ошибок, и таким же путем определяются допустимые в данный момент границы чисто рыночного регулирования. Все это требует времени, отсюда и необходимость переходного периода даже и при идеальном течении реформ.

А ведь жизнь весьма далека от идеала. Говорить об абсолютной мобильности факторов производства не приходится даже теоретически. Они связаны, скованы существующей технологической, а в бывшем СССР — даже и географической структурой производства. Ее изменение невозможно без глубокой реконструкции всего производ-

ственного аппарата, а это требует огромных капиталовложений, намного больших, чем при рутинном развитии, идущем из года в год по заведенному канону. Набирающий силу рынок предъявляет все больший спрос на потребительские товары, орудия и средства производства, которые народное хозяйство не производит или производит в недостаточном количестве. Этот спрос частично покрывается за счет дорогостоящего импорта, частично остается непокрытым (спрос превышает предложение) — и то и другое вносит свой вклад в рост цен и инфляцию. Отрасли с низкой капиталоемкостью, например производство услуг, еще как-то могут развиваться в этих условиях, приспосабливаясь к рынку, особенно если они используют преимущества дарового труда на малых — семейных, кооперативных и т. п. предприятиях. Но предпосылки для подъема эффективных капиталоемких производств, отвечающих требованиям рынка, создаются лишь постепенно в ходе чего-то, похожего на повторное первоначальное накопление капитала. Одновременно часть капитала, материализованного в отраслях, не представляющих интереса для рынка, обесценивается, превращаясь при этом в тяжелый груз для обновляющейся экономики. Но нередко именно эти отрасли, группирующиеся вокруг ВПК с его издавна привилегированным положением, огромными технико-экономическими возможностями и довольно высокой конкурентоспособностью на мировом рынке, защищены от давления новых обстоятельств значительно лучше, чем отрасли, производящие мирную продукцию, которые и испытывают часто наибольшие трудности. Переструктурирование экономики может, стало быть, тормозиться самими рыночными механизмами.

Трудности переходного периода усиливаются социальными напряжениями. Растут цены, инфляция и структурная безработица — следствие ограниченной профессионально-квалификационной или территориальной подвижности рабочей силы. Рушится вся прежняя система государственного патернализма. Значительные слои населения оказываются жертвами перемен, их уровень жизни падает. Трудности накапливаются, шок перемен создает обстановку кризиса, порождает настроения безысходности, недовольства реформами, сама ценностная основа которых в корне противоречит столь долго культивировавшимся и глубоко укоренившимся в массовом сознании «социалистическим» принципам.

Неодобрительное отношение к частной собственности и к рынку, с самого начала свойственное советской экономической политике, во многом было унаследовано от прошлого. Настоящий рынок пришел в Россию намного позднее, чем в Западную Европу, и даже в начале XX века был здесь развит недостаточно. Ленин не зря говорил о «медвежьем незнании условий и требований рынка»¹²² в русской деревне. Деревня была настроена антирыночно, эти настроения проникали и в другие слои общества, тогда как контрволияние той части деревни, которая уже «раскрестынилась» и успела оценить не только недостатки, но и достоинства товарно-денежных отношений, было пока невелико. Антирыночная, антисобственническая идеология в России уходила корнями в давние народные представления. По словам Бердяева, «западные понятия о собственности были чужды русскому народу, эти понятия были слабы даже у дворян. Земля Божья, и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ею пользоваться. Наивный аграр-

¹²² Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции, с. 266.

ный социализм всегда был присущ русским крестьянам¹²³. Общинно-социалистические идеи разделялись не одним поколением русских революционеров и послужили благодатной почвой для западных социалистических утопий, которые проникли в Россию либо самостоятельно, либо через марксизм, также отдавший дань социалистическому утопизму. Как ни глубоко понимал Маркс природу товарно-денежных отношений, как ни высоко их ценил, а и он порой строил воздушные замки по поводу «непосредственно-общественного труда» в будущем и рассуждал о получении работниками предметов потребления из «общественных запасов» по предъявлению квитанции о выполненном ими количестве труда¹²⁴. А Ленин, кажется, всерьез считал, что настанет время, когда золото будет использоваться для сооружения нужников¹²⁵. Придя к власти, большевики были убеждены в скором отмирании денег, НЭП для многих из них стал тяжелой душевной травмой.

В советский период государственно-патерналистская, безрыночная экономическая модель, как мы видели, тоже не сразу обнаружила свою несостоятельность. Некоторое время она казалась весьма эффективной, а в каком-то смысле и была таковой, и это тоже осталось в памяти общества, по-своему закрепило давнюю этактистскую традицию. Она не может оборваться в один день. Даже при самой радикальной экономической либерализации, даже при полном ее успехе, на что сейчас трудно рассчитывать, значительная часть граждан России еще долго будет оставаться в оппозиции к частной собственности или рынку, искать государственного покровительства при решении личных или семейных экономических проблем. Почти нет сомнений, что эта оппозиция будет облекаться в социалистические одежды. При всей неопределенности термина «социализм» в его широком хождении, в экономическом контексте именно социализм обычно противопоставляется экономическому либерализму. Да и в «реальном социализме» в СССР повсеместное провиденциальное присутствие государства, пожалуй, только и было реальностью. Так что сторонники государственного вмешательства в экономику, ограничения «индивидуализма», «анархии производства», противники частной собственности и т. п. будут, скорее всего, группироваться вокруг социалистических лозунгов разных оттенков и получат немалую общественную поддержку.

На деле такие лозунги на всем постсоветском пространстве долгое время будут использовать, в первую очередь, силы реванша «бюрократического рынка», вчерашние «законные», государственные коррупционеры, ненавидящие новоиспеченных самостоятельных нуворишей, но не в меньшей мере и классических социал-демократов с их «гнилым либерализмом». Не исключено, однако, что со временем окрепнут и силы социал-демократической ориентации, которые также включатся в спор о будущей экономической модели, выступая с позиций умеренного государственного вмешательства в экономику. Такое развитие событий представляется вполне естественным. Вопрос о соотношении государственного и рыночного регулирования возник не сегодня и не в России, окончательный же ответ на него не найден до сих пор, да, видимо, его и не существует. Более или менее ясно, что рыночные регуляторы в обычных условиях должны

¹²³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 14.

¹²⁴ Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18.

¹²⁵ Ленин В. И. О значении золота теперь и после полной победы социализма. // Полн. собр. сочинений, т. 44, с. 225–226.

преобладать, но и только. Брошюра Кейнса с вызывающим названием «Конец Laissez-faire» появилась в Англии — стране классического «манчестерства», и здесь же, как, впрочем, и во многих других европейских странах, весь XX век отмечен борьбой между сторонниками и противниками расширения государственного вмешательства в экономику — как в теории, так и на практике.

Тем более, не может быть иначе в России. Сейчас трудно оспорить крах полностью огосударствленной экономики советского типа. На буквальном возвращении к ней едва ли способно настаивать разумное существо. Но ведь возможно возвращение частичное, возвращение наполовину или на четверть. Идеи государственного вмешательства в экономику не могут умереть в России, у них здесь глубокие основания — и субъективные, и объективные. Другое дело, что в нынешних условиях любая сколько-нибудь разумная позиция сторонников этих идей, выступающих под лозунгами социализма, вынуждена учитывать новые экономические реальности, масштабы и сложность народного хозяйства, опыт прошлых неудач. Она просто не может не стать более умеренной, гибкой, не может не сблизиться на многих направлениях с позицией либералов. Рано или поздно между «социалистами» и «либералами» должен завязаться конструктивный диалог. В конечном счете, «социалистическое» противостояние крайностям экономического либерализма, принося переменный успех обеим сторонам, может обеспечить реальные (а не только идейные, «научные») поиски наилучшего сочетания рыночной свободы и государственного вмешательства на каждом новом витке развития страны и ее экономики.